

Дмитрий Аверков

Парсек. Бастард Вселенной

В поисках своей
единственной

Дмитрий Аверков
Парсек. Бастард Вселенной.
В поисках своей единственной

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26713093
ISBN 9785448580604*

Аннотация

Мишка по прозвищу Парсек влюблен в одноклассницу Машу. Они сидят за одной партой до выпускного класса, затем она неожиданно пересаживается и совсем не замечает его. Случайно в руки юноши попадает «Атлас звездных полей», с помощью которого он совершает космические путешествия на другие планеты. И на каждой из них находит воплощение одноклассницы Маши. Но на этих планетах происходят различные глобальные катаклизмы. И Мишка всякий раз пытается спасти Машу, представшую перед ним в очередном обличье.

Содержание

I	5
II	23
III	54
IV	67
V	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Парсек. Бастард Вселенной В поисках своей единственной

Дмитрий Аверков

*«Люди с давних времен стремятся к звездам,
забывая, что звезды и сами могут пожаловать
к ним»*

(запись на салфетке, оставленной кем-то в кофейне).

*«Каждый вправе достать с неба свою звезду,
если она первая не достанет его»*
(приписка ниже).

© Дмитрий Аверков, 2017

ISBN 978-5-4485-8060-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

То, что его зовут Мишкой, уже мало кто помнил. Прилипло, приклеилось другое имя. Даже не имя, а черт знает что. Вроде и не кличка. Вроде и не обидно. С одной стороны – просто сокращение слов, с другой – вполне приличного значения термин. Приросло, так приросло. Сам виноват. Сам и спровоцировал появление этого прозвища. Взял себе в привычку постоянно отвечать:

– Сейчас! Пару секунд! Подождите пару секунд!

Но скороговорчивость Мишки очень контрастировала с его природной медлительностью. В результате частых повторений он уже отвечал «пар сек», но быстрее справляться с поручениями и с просьбами так и не научился. Вот оно насмешливо и слилось в «парсек». Так его и стали называть. И со временем Мишка отвечал все быстрее, а делал все медленнее. Он был не в силах обуздать внутренний процесс резкого погружения в себя, который возникал стихийно, и, как правило, в неподходящий момент, когда от него что-то хотели и ждали.

Казалось бы, что тут такого? Ну, посмеялись. Без этого же не обходится. На насмешки такого рода он научился реагировать безболезненно. Но все же стал Мишка отдаляться от всех. Даже сторониться. Все чаще он закидывал голову вверх, словно высматривал там что-то. А как стемне-

ет, так и подавно подолгу втыкался глазами туда, где простор для космических скоростей. Может, он просто мечтал о чем-то своем в это время, а возможно, разыскивал, чуть-ко напрягая зрение, ведомое только ему. Так он постепенно и привык жить «вне». Так он и заболел космосом. Мишка ощущал, что там вверху есть что-то притягательное и важное для него. В детстве эта тяга к звездам, конечно же, была неосознанной и прозрачной до призрачности, но с годами она только укреплялась, наполняясь новыми чувствами, образами и знаниями.

Все бы хорошо, можно жить практически спокойно и так, но еще в первом классе судьба послала ему невыносимое испытание – его посадили за одну парту с девочкой Машей. Наверное, с этого все и началось. У Машки была красивая линейка, красивые тетрадки, красивые бантики. И она сама была очень красивая. Мишка рядом с этой девочкой чувствовал робость и замирал при каждом ее движении. Он искоса следил за ней с волнением, испытывая при этом приятные ощущения до покалываний в кончиках пальцев. А Маша сразу же стала кривить губы и всем своим видом показывать, что сидеть рядом с Мишкой ей совсем не нравится. Она даже делала ему мелкие гадости исподтишка: то подтолкнет, когда он старательно выводил буквы, то украдкой переломает грифели его карандашей. Мишка не обращал на это внимание. Учился он хорошо, знания схватывал на лету, только был нерасторопен в действиях в жизни повседневной. Выполняя

какие-то мелкие поручения учителей, он часто проваливался в свое «бессознательное» и мог пропасть там на несколько часов и совсем позабыть об обещании. Машка и возглавила орду насмешников, крепко накрепко прицепив Мишке как клеймо новое имя «ПАРСЕК». Она была вызывающе настроена против него и не упускала случая, чтобы как-нибудь его задеть. Мальчик быстро забыл о «покалываниях в кончиках пальцев» и косился на нее уже только настороженно, и даже злясь, в ожидании очередного подвоха.

Машка в первый же в своей жизни учебный день поставила перед собой на парте миниатюрный глобус, к которому никому не позволяла прикасаться. И так он перекочевывал вместе с ней из класса в класс, из года в год. Потешаться над Мишкой Машка не прекращала никогда. И однажды ужасно рассерженный после очередной наживки-розыгрыша мальчик дождался, когда в классе не останется никого, взял и растоптал этот маленький искусственный голубой шар, а затем разломал его на небольшие кусочки. Их он аккуратно сложил на Машкиной половине парты и, как ни в чем не бывало, уселся рядом. Она со счастливым видом прибежала с перемены и плюхнулась на стул. Увидев уничтоженный глобус, девочка тут же потухла и молча сдвинула разноцветные кусочки на край стола. Ее лицо застыло. Мишка, с трудом сдерживая свое ликование, с нетерпением ждал, когда же Машка отреагирует и взорвется. Но она будто окаменела. Так и просидела без единой видимой эмоции до конца уроков. На сле-

дующий день Машка предстала точь-в-точь такой же – стальной и молчаливой. Парсеку стало не по себе, и когда на следующий день все повторилось, он не выдержал и во всем ей сознался, попросив прощения. На удивление Машка восприняла это вполне спокойно, но взяла с него слово, что он будет сидеть вместе с ней за партой до выпускного класса. Мишка обрадовался, что так легко отделался, и сразу же согласился. Дурак доверчивый. Маша, как начинающая властительница мужских сердец, стала вертеть Мишкой, как ей только вздумается, оттачивая женские приемы и навыки. Возвращая и развивая свои девичьи чары, она культивировала в Мишке чувство вины перед ней и ловко манипулировала им, чтобы он все заглаживал и заглаживал свой отвратный поступок. Стоило ей лишь сказать что-нибудь наподобие:

– Ой, а у Насти потрясающий рюкзак! Мне бы такой! Нет, еще лучше...

И Парсек бросался спешно разыскивать сначала деньги, а потом и необходимую вещь, чтобы подарить ее своей подруге на очередной календарный праздник. Так продолжалось практически все школьные годы. Машка не отпускала его от себя ни на шаг. Он сопровождал ее домой после уроков, таскал ее портфели-рюкзаки и мужественно закрывал девочку своим телом зимой от снежков в школьном дворе. Когда уже в старших классах Мишка порой начинал сомневаться в искренности такой дружбы с Машей, она чувствовала эти моменты и вовремя находила нужные слова, чтобы

пресечь любую «ересь», приходящую ему в голову. К примеру, могла привлечь внимание Мишки, кокетливо поправляя свитер, натянуть одежду так, чтобы четче обозначилась ее уже вполне сформировавшаяся грудь, и при этом сказать как бы между прочим:

– Вот мы подрастем еще немного и будем этим с тобой заниматься каждый день... Тогда уже можно будет... Уже никто нам этого не запретит... Мороженое есть до отвала! Ха-ха! А может, целоваться...

С каждым годом Машка хорошела и хорошела, а Парсек все больше и больше страдал от ее гипнотизирующей красоты и все чаще устремлял глаза в звездное небо. Однажды он заболел и пропустил несколько дней, провалявшись в кровати. В один из вечеров к нему заявила Маша – провести по-дружески и как староста класса исполнить свой общественный долг. Она, трижды переспросив у Мишкиных родителей «не заразный ли он», вошла к нему в комнату. Бросив на юношу короткий взгляд с неприкрытой хитрецей, Машка стянула с себя кофту и осталась в одной обтягивающей маечке. Ее соски так пронзительно топорщились, что Мишка не знал, куда девать глаза. Одноклассница все посмеивалась и рассматривала фотографии на стенах. Там были изображения далеких созвездий и различных космических аппаратов. Парню было до того неловко, что он заметно обрадовался внезапному появлению своей младшей сестры, которая кубарем ввалилась в комнату и, увидев гостью, радостно

ее проинформировала:

– А мой брат будет космонавтом! – и, затем обращаясь к Мишке, с детской непосредственностью спросила: – А ты женишься на ней? Смотри, какая она большая, у нее все уже выросло. Любой дурак в нее влюбится!

Мишке еще больше стало не по себе, а Машка, игриво подмигнув ему, ушла. В выпускном классе она неожиданно пересела к Вадиму. Когда Парсек подошел к ней на перемене, чтобы выяснить причину, девушка ответила:

– Помнишь, у нас уговор был сидеть за одной партой лишь до этого времени? Все. Ты свободен.

Теперь она совсем не обращала внимания на Мишку. Он поначалу радовался:

– Значит, до сих пор помнит про глобус, затаила обиду, и вот так решила мне отомстить? И хорошо, что она от меня отстала!

Но постепенно стал ощущать, будто что-то потерял, чего-то ему стало не хватать. Он молча наблюдал, как Машка, не особо прячась, целовалась с Вадимом в школе под лестницей, и не понимал, как она может так себя вести. Ведь целоваться она обещала с ним, Мишкой! Совсем недавно эта юная волоокая красавица была главным компонентом его жизни, а теперь ее нет. Вернее, вот она, но абсолютно далеко от него словно на другой орбите. Мишка стал прогуливать уроки. Он озлобился и все чаще уходил с головой в космос. А его родители просто обожали Машку и, даже не подозре-

вая, что у детей возникла такая конфронтация, часто спрашивали о ней и подливали масло в огонь:

– Мишка, что сиднем сидишь? Машку в кино пригласил бы.

– Да ваше какое дело? – взрывался он и проваливался в свое космическое пространство.

Машку одноклассники называли «звездой» – она была отличницей, активисткой-общественницей и заядлой модницей. У нее получалось все это совмещать вполне органично. После их размолвки остряки-однокашники посмеивались над Мишкой, язвительно интересуясь:

– Сколько же теперь парсеков до Машки-звезды? Улетучилась она от тебя? Поменяла галактику?

Мишка же мысленно называл ее «девицей с чудовищно-вероломной ментальностью», что его ничуть не успокаивало, но придумать ей другие обзывательства у него не поворачивался язык. Так они и окончили школу, не перекинувшись друг с другом даже парой слов. Машка часто приходила к нему во снах. Но только во снах.

С вузом у Мишки не сложилось. Он смирился с тем, что некая иррациональная объективность постоянно мешает ему, подставляет подножки на каждом шагу. И уже особо не сопротивлялся ей, поскольку не знал, как это делать; то, что он пробовал – не помогало. Все эти его провалы в себя стали для него привычной нормой. Иногда он помнил, что происходило с ним в такие моменты, о чем думал, а порой

совсем не мог понять в каких уголках своего сознания и подсознания блуждал. Впрочем, учиться он сумел бы и дальше, но дело в том, что они с Машкой давно решили поступать в институт вместе. А раз вышло все не по плану, то и смысла в учебе Мишка не видел по крайней мере сейчас. Какое-то время Парсек (он и сам стал так себя называть, теперь ему это даже нравилось) ждал, когда же Машка снова объявится в его жизни. По-другому же не могло и быть, ведь они столько лет провели неразлучно. В конце концов ему надоело ждать, и он с самого себя взял слово никогда больше с ней не встречаться, но на следующий же день отправился на ее поиски. Машка исчезла. Говорили, что она вроде бы куда-то переехала вместе с родней, но куда – никто точно не знал, хотя предполагали, что очень далеко, и вероятнее всего, в другую страну. Мишкина жизнь наполовину опустела, ему остались только звезды и бескрайние космические просторы.

Чтобы небо стало еще ближе, и им можно было бы наполнить опустевшую в себе половину, Парсек однажды решил купить телескоп. Он, ведомый непонятной силой, возможно, той самой иррациональной объективностью, попал в магазин, располагавшийся в отдельном ветхом здании на окраине города.

– Зачем он тебе? – спросил его продавец, который был и владельцем торговой точки.

– Просто захотелось больше видеть там, – ответил Мишка и ткнул пальцем вверх, но взглянув на ценник, юноша

поморщился и добавил: – Однако с покупкой придется по-временить. Цена уж больно кусается. Как только заработаю необходимую сумму, сразу приду.

– Мне, кстати, нужны лишние руки, – сказал хозяин и предложил Парсеку поработать в магазине. Мишка понимал, что нужны уж точно не его руки, а того, кто будет пошустрее и половчее, но согласился с удовольствием. Оказалось, он вполне приемлемо стал справляться со своими обязанностями. Торговали в основном оптическими приборами: от телескопа до микроскопа. Когда Парсек поинтересовался, почему бы к телескопам не продавать космические карты, владелец заведения Семен Маркович – еще крепконогий старик с венцом седых прядей вокруг круглой лысины – рассмеялся, мол, кто же сейчас на самом деле разглядывает звезды? Телескопы покупают для других нужд. Старик, реагируя на Мишкин интерес, рассказал, что когда-то давным-давно в этом здании была лавка странностей какого-то полоумного, кажется даже, астронома, и предложил:

– На чердаке что-то из старого хлама осталось. Ты можешь пойти покопаться там, вдруг найдешь что-нибудь стоящее. Хотя это вряд ли. Правда, какие-то карты вроде были. Поищи, если они тебя так привлекают. Но сначала развези заказы по адресам.

Первым клиентом, которому Парсек доставил товар на дом, оказался солидный джентльмен преклонного возраста с глазами перезревшего ловеласа. Он удовлетворен-

но оскалился, распаковав привезенный товар, и осторожно провел рукой по длинному прохладному цилиндру. Мишка, заметив, что у мужчины уже установлен один телескоп у окна, зашторенного практически полностью, но с оставленной невыразительной щелью между сходящимися тканями, удивленно спросил:

– А зачем вам второй? Любите на звезды смотреть и поэтому еще мощнее прибор заказали?

– О, да! – ответил тот. – У меня любимая «звезда» – дама из пятого слева окна на девятом этаже. Она всегда по вечерам такие «светопредставления» устраивает! А недавно вон в том дальнем доме поселилась наикрасивейшая жиличка. Затем мне второй телескоп и нужен: не успеваю перенастраивать оборудование.

Парсек, не удержавшись, ухмыльнулся, но постарался сделать это как можно нейтральнее, чтобы не обидеть сладострастного «звездочета», и отправился по следующему адресу. Девушка на вид, словно с обложки глянцевого журнала, попросила Мишку собрать доставленный телескоп и поставить его в углу комнаты. Юноша выполнил необходимые действия и попытался проинструктировать красотку, как пользоваться оптическим устройством. В ответ она равнодушно махнула рукой и пояснила:

– Да зачем мне это? Нынче отсутствие дома телескопа – это моветон. Вот и все.

Девушка гостеприимно предложила Мишке чаю. Он

не отказался провести с красоткой еще немного времени. Через десять минут непринужденного общения он знал о ней практически все. Она была начинающей актрисой заднедальнего плана и беспрерывно хвалилась, что уже успела сыграть в двух театральных постановках, и посвятила Мишку в свои сокровенно-перспективные замыслы на будущее. А именно, как она талантливо придумала через пятого помощника известного режиссера шагнуть с театральных подмостков в кинематограф. Каким образом она добьется своей цели – не стала уточнять, но было понятно, что девушка готова использовать для этого любые средства и ресурсы своего тела. Наблюдая как у собеседницы волнительно вздымается грудь, Парсек поймал себя на мысли, что он нередко, увидев актрису с восхитительной внешностью и влюбившись в нее, задумывался: как же она выглядит без одежды? И очень часто, ему на радость, избранная Мишкой киношная богиня представала в очередном фильме во всей своей обнаженной красе. А сейчас, слушая эту смазливую девицу, он разочарованно осознавал, что ее прелестей на большом экране, к сожалению, не дождется. Попытаться увидеть желаемое сейчас, Парсек не решался ввиду своей природной застенчивости и распрощался с девушкой, испытывая определенную досаду и неискренне убеждая себя в том, что причиной этому главным образом послужил ее потребительски-интерьерный интерес к космосу.

К следующему заказчику Парсек вначале даже проникся

симпатией, полагая, что встретил человека, действительно увлеченного звездами. Клиент трясущимися руками ухватил коробку и нервно принялся ее раздирать. Наспех соединив части, не без Мишкиной помощи, он привел телескоп в «боевое» положение. Хватая воздух жадными глотками, хозяин квартиры сорвал с окна жалюзи, посыпавшиеся на пол с обреченным треском, и распахнул окно.

– Когда же сядет это треклятое солнце?! – воскликнул он и стал нетерпеливо прохаживаться взад и вперед возле телескопа, лихорадочно потирая руки. Вдруг он сжался и, приняв заговорщицкий вид, возбужденно зашептал:

– Жду астероид! Он скоро будет! Я знаю наверняка! И Земля – вдребезги!

Мишка поспешил как можно скорее расстаться с этим взвинченным до предела ожидателем конца света. Пусть у Парсека сейчас и не было определенных планов на свое дальнейшее существование, которые бы поддерживали в нем жизнелюбие, но и разделять глобальные апокалиптические настроения этого субъекта ему совсем не хотелось. Ему хватало катастрофы в своей внутренней Вселенной из-за Машки, с которой он все-таки не терял надежды еще встретиться...

Мишка с усилием приоткрыл крышку люка на чердак и откинул ее до предела. Приподнявшись на лестничную ступеньку выше, он проник головой на территорию «кладби-

ща» чей-то давно прошедшей жизни, затем уже полностью забрался туда. От сложенных нестройными рядами коробок несло прелым. Свет пробивался в слепое оконце, устроенное в северном торце чердачного «склепа»; по полутемным углам столбы неаккуратно складированного хлама громоздились словно картонные конструкции, обещая развалиться в любой момент от легкого прикосновения. Но так только показалось сначала. Парсек быстро убедился, что все эти свертки, ящики и всяческая рухлядь достаточно надежно располагаются на своих местах, пожалуй, даже в каком-то определенном кем-то порядке. Внутренности первого попавшегося коробка приятно удивили своим содержанием. В Мишкиных руках оказался увесистый то ли альбом, то ли рукописный фолиант в причудливом переплете. На иссушенной временем обложке не было никаких опознавательных знаков, но Парсек, испытав странные чувства сразу же при прикосновении к бумажному носителю пока еще неизвестной ему информации, не сомневался, что внутри прятались чудеса.

С трепетом открыв книгу, юноша уткнулся взглядом в крупные заглавные буквы шмуцтитула «АТЛАС ЗВЕЗДНЫХ ПОЛЕЙ». Внизу страницы шла чернильная приписка чьей-то размашистой рукой: «Это обычное собрание небесных карт, но невеждам нужно быть максимально осторожными при ознакомлении с оными». Мишка быстро с замирающим от восторга сердцем пролистал потрескавшиеся и потрескивающие страницы. На каждой из них размещался чет-

кий графический рисунок конкретного созвездия с описанием и на некоторых – чернильные пометки все тем же беглым почерком, что и на титульном листе. Просмотрел до конца, чтобы сразу уточнить: не ожидает ли его в процессе исследования какое-либо разочарование – вырванные страницы или притаившаяся насмешка автора над увлекшимся и поверившим в содержимое читателем. Потом вернулся к началу и погрузился в детальное изучение старинного атласа. Он представил, что парит в невесомости и наслаждался новыми ощущениями. В этот момент все земное, где ему было тесно и неудобно, стало далеким и неважным. Ему показалось, что он стоял на пороге великого открытия, пусть даже просто занимательной игры воображения сумасшедшего астронома, который жил в этом доме в стародавние времена. Главное, Парсек попал в свое пространство.

Первое же созвездие из многочисленных кружочков (Мишка сделал несколько попыток пересчитать их, но всякий раз сбивался со счета) было похоже на бешеного быка: легко угадывались голова и искривленные рога, спина, усыпанная рассеянным скоплением звезд, и более четко просматривались ноздри совсем не домашнего животного. Беглая чернильная приписка на полях страницы радостно сообщала: «Вчера я ухватил Тельца за рога и побывал в его правом глазу. Пятый лист». Мишка перескочил на пятый лист атласа, но там говорилось совсем о другом созвездии, и какую-либо связь между ними найти было трудно. «На-

верное, этот полоумный астроном ссылается на некую иную книгу, где он описывает подробности своих фантазий. Если это вообще его заметки», – решил Парсек и принялся рыться в остальных коробках. Перевернув как минимум полчердака, так и не обнаружил ничего заслуживающего внимания.

– Миша, ты где, черт тебя возьми?! – донесся голос Семена Марковича. Парсек бережно опустил атлас в коробок и спустился вниз.

– Мне можно пользоваться всем, что я найду на чердаке? – спросил он хозяина.

– Да, – ответил тот, – как пожелаешь. Хоть на свалку все выброси, но только в свободное от работы время. А сейчас скорее помоги обслужить покупателей.

Мишка, все еще очарованный своей находкой, рассеяно слушал зашедшую в магазин семейную пару, спорящую, как распорядиться средствами семейного бюджета: приобрести микроскоп ребенку или безнравственно израсходовать эти деньги на бинокль для главы семейства, который на охоте бывает раз в пятилетку? А может, все-таки правильное будет, в чем нет никаких сомнений, купить единственной в семье представительнице прекрасного пола туфли? Но не те, которые она присмотрела два часа назад, а те, что понравились ей вчера, а завтра их может уже и не быть, но сегодня они точно еще стоят на магазинной полке – она чувствует это, а наитие ее никогда не подводило, разве только один раз – в неудачном замужестве. К тому же туфли, что на ней, приобретен-

ные два месяца назад, явно уже вышли из моды и не вписываются в общий ансамбль нынешнего гардероба недооцененной в этом бестолковом семействе бедной женщины. Мучительно ожидая вечера, Мишка уговорил своего шефа разрешить ему переночевать в магазине, и когда во входной двери долгожданно прощелкали закрываемые замочные запоры, он нетерпеливо юркнул на чердак. Только и успел примоститься на перевернутый деревянный ящик, достать и раскрыть манящий атлас – тут как назло зазвонил мобильный. Дашка, бывшая одноклассница, подруга Машки сообщила впопыхах:

– Машка беременна. Вадим ее бросил. Так что не теряйся из поля нашего зрения. Ты нам можешь еще пригодиться.

Телец зло уставился на него огромной звездой-«глазом» с пометкой-подписью «Альдебаран-Лампарус», а Парсек молчал и ничего не видел. Он встал и с трудом сделал несколько шагов к окошку, в которое пробивалась желтизна холодной и равнодушной Луны. В темноте юноша случайно зацепил что-то подвижное словно находившееся в подвешенном состоянии. Это «что-то» отреагировало на Мишкино прикосновение легким шелестом и мелкими энергетическими искрами. Парсек удивленно вытаращился на необычного обитателя чердачного забвения. Раньше он абсолютно не замечал это странное, неизвестное ему, расплывшееся в стороны, как сахарная вата, растение, укоренившееся в глиняном горшке в полметра высотой и спрятавшееся

за горами мешков и коробок. Теперь же оно, казалось, в одну секунду стало главным составляющим всего этого хлама, переливаясь и подсвечивая магическими зелено-фиолетовыми огоньками и всецело завладевая вниманием стороннего зрителя.

«Ты нам можешь еще пригодиться», – едко отзывалось в висках Парсека, а его руки сами собой протянулись к светящемуся декоративному деревцу. При контакте с пыльным лепестком Мишка почувствовал тонкий укол в палец и инстинктивно отдернул руку, хотя больно ему не было. Он снова повторил попытку – теперь растение не оборонялось, распознав в Мишкиных действиях дружеские намерения. Деревце выглядело как искусственное, но на деле оно единственное на чердаке в этот момент могло похвастаться своей полноценной жизнью. Парсек, ошарашенный новым известием о Машке, сейчас походил на шевелящуюся мумию – все чувства в нем, свернувшись в защитный клубок, окаменели. Он не желал ни каким образом реагировать на полученную информацию, ни как-либо ее обрабатывать и анализировать в уме. Мишка выволок глиняный горшок на открытое место и принялся механически стирать пыль с темно-зеленых листьев куском какой-то тряпки, подвернувшейся под руку. «Первый... второй... третий... четвертый... пятый...» Пятый листок неожиданно заиграл в руках новыми расцветками и на нем проявились светящиеся жилки и точки. Мишка вгляделся и различил на поверхности лист-

ка точь-в-точь такой же рисунок, похожий на бешеного быка, как и в атласе, только миниатюрнее. Вдруг крохотный Телец ожил, из его ноздрей с шумом вырывался искрящийся пар; он выгнул, словно готовясь к атаке, мощную спину, усыпанную переливающимися звездочками, и, оторвав от плоскости листа свои искривленные рога, поддел ими палец Парсека. Юноша машинально ухватился за рога этого карликового Тельца и осознал, что земля в буквальном смысле уходит из-под его ног. Мишкина кожа мгновенно затвердела и стала поблескивать каким-то непонятным металлическим отливом явно неземного происхождения. Парсек оторвался от поверхности, непонятным образом очутился на улице и с инерцией как будто от ракетного старта устремился ввысь. Когда вокруг почернело, он стал чувствовать себя совершенно по-иному и даже ощутил, как от его тела словно горошины отскакивают встречные бозоны Хиггса. «Ну, здравствуй Вселенная!» – мысленно улыбнулся Парсек и провалился в беспамятство.

II

Мишка очнулся оттого, что больно стукнулся, упав на спину точно мешок с песком. Будь он в сознании, то, наверняка сообразил бы хоть как-то сгруппироваться. А сейчас оставалось лишь морщиться и постанывать, поднимаясь на ноги. Ярко-красное свечение буквально вырывалось из-под земли. С непривычки оно слепило глаза, но ничуть не согревало. Было протяжно сыро и холодно. Поеживаясь, Парсек неуверенно зашагал наугад к какой-то возвышенности, темным пятном маячащей на горизонте. Постепенно Мишка привык к свечению и стал пристально осматривать окрестности – простирающуюся во все стороны пустынную равнину с редкими одинокими валунами будто ориентирами-отметками для экстремального туристического маршрута по пересеченной местности. Ничего примечательно он не обнаружил, пока не добрел к горе. У покатога с красно-синеватым отливом склона в удобном и скрытом от мучительного ветра искусственном углублении его ждала первая встреча с местными обитателями. Вернее, с одним. Тот лопотал что-то на непонятном языке, тыча руками в кучу барахла, лежащего перед ним. Затем он, видимо, смекнул, что Мишка его не понимает. На лице аборигена появилась довольная улыбочка, он достал из-за пазухи скомканный кожаный мешочек, надул его как воздушный шарик, и неожиданно треснул

им юношу по голове. В ушах Парсека сразу прояснилось. Он теперь легко разбирал речь туземца.

– Ты прилампарусился, приветствую тебя, иноземец! Хороший у тебя комбинезон. Красивый! Согласен на пять рукопожатий?

– А одного разве не достаточно? – удивился Парсек, еще не понимая: сердиться на этого типа за удар по голове или нет. Хотя в понятие «нападение» – произошедшее вряд ли вписывалось. Возможно, в этом действии скрывалось нечто унижительное, но, учитывая сияющее по-доброму лицо туземца, обвинять его ни в чем пока не хотелось. К тому же не исключено, что это был единственный способ достичь взаимопонимания.

– Смотри, какой щедрый! – воскликнул абориген и протянул сухую узловатую руку. Парсек осторожно выдвинул свою ладонь в ответ. Местный житель, крепко вцепившись в Мишкину конечность, сжал ее до легкого хруста и восторженно заявил:

– Сделка заключена. Давай комбинезон!

Парсек насторожился:

– Это моя одежда. И мне она нужна.

Абориген напряг лицевые мышцы и недоуменно сказал:

– Ты же согласился на одно рукопожатие.

– Ну, да.

– Значит, акт купли-продажи состоялся. Какие тут могут быть вопросы?

Мишка нахмурился, сдвинув брови к переносице, ему стало ясно, что этот пройдоха хочет обвести его вокруг пальца. Парсек решил перехватить инициативу и воспользовался своим пальцем – средним, поднеся его напружиненные фаланги прямо к носу аборигена.

– Ты, наверное, желаешь познакомиться? – уточнил торговец, пытаясь понять значение этого жеста. – Меня зовут Раштум Банкрот №9999. Кстати, фамилии здесь у всех одинаковые, только имена разные, – и дружелюбно ткнул свою руку с выставленным средним пальцем Мишке в лицо.

– Так у вас на планете все нищие? – уточнил Парсек.

– Это звезда, вообще-то, Лампарус, – ответил новый знакомый. – А ты здесь в первый раз? Тогда слушай.

И Раштум объяснил, какая финансовая политика сложилась на этой ярко-красной космической единице:

– Денег у нас действительно нет. Мы отказались от них, потому что они нас угнетают: их то изобилие, то нехватка. Вот и решили изъять их все из оборота. А расплачиваемся между собой, как правило, бартером. Дашь на дашь. Ну, ты понимаешь. Натуральный обмен или услуга. Кто должен расплатиться муж или жена и как – это уже по договоренности. В ходу у нас еще рукопожатия. Самый верный способ, если нечего больше предложить. Вот ты по-дружески готов был уступить мне свой комбинезон за одно только рукопожатие, но потом отчего-то передумал. Не хорошо это. Совсем не хорошо.

– Я просто не знал ваших правил, – не на шутку рассердился Парсек. – Но теперь уже на такие уловки не поддамся. Еще чего! Руку пожал и мою вещь присвоил!

– Иноземцев мы рады обмануть, – хихикнул Раштум, – хотя и своих тоже не прочь. Все же приятно пусть и ненадолго завладеть чужим имуществом. А потом, может, все и обойдется – что ты хотел получить, возьмешь просто так. Но рукопожатие – это официальный вариант оплаты на Лампарусе. Есть еще вид расплаты, но он очень редкий и дорогостоящий. Тебе о нем знать совсем необязательно.

Мишка уточнил у обиженного Раштума, куда идти, чтобы найти большое скопление местных обитателей, и отправился в указанном направлении – к спрятавшемуся в тихой и теплой впадине между высоких горных хребтов ближайшему городишке. Теперь, разобравшись что к чему, Парсек решил держать ухо востро, а ладонь – в кулаке и лучше за спиной. В городишке было всего десятка три домов, выложенных из камней кое-как, и юношу это селение совсем не впечатлило. Серые неказистые строения с плоскими крышами поражали своей убогостью. А природное подземно-звездное свечение многократно усиливало совсем не в приглядную сторону столь захудалый облик городишки. Туземцы без дела слонялись по кривым улочкам и, заметив Мишку, тут же бросались к нему. Каждому подошедшему Парсек сразу же громогласно заявлял:

– Я – не рукопожатный!

Он в каждом встречном лампарусянине отныне видел потенциального лгуна, так и норовящего вынудить чужестранца – то есть его Мишку – на рукопожатие, а стало быть, и попытаться завладеть чем-нибудь принадлежащим ему. И от его грозного вида некоторые туземцы сразу же шарахались в стороны, другие, застыв со своею протянутой рукой, удивленно разглядывали агрессивного пришельца. Но как Парсек и не был готов к напастям такого рода, все же оплошал. Услышав крик о помощи, он инстинктивно бросился на выручку. Жалобный голос раздавался из ямы, заполненной таким свечением, что невозможно было разглядеть того, кто попал в беду. Но голос был женским. К тому же из ямы высовывалась хрупкая девичья рука. Мишка не удержался и протянул свою ладонь. Выбравшись на поверхность, существо противоположного пола принялось страстно с благодарностью пожимать Парсеку руку и вдруг с хитринкой сказало:

– Хороший у тебя комбинезон!

– О, нет! – возмутился Мишка. – И ты туда же!

– Это комплимент, не бойся, – ответила девушка. – Правда, мне интересно, а сколько он стоит? Красивый такой. Обсудим цену? – и она располагаяще и многообещающе расплылась в улыбке. Когда незнакомка предстала перед ним в звездном свете во всем своем естестве, Мишка охнул:

– Не может быть!

Девушка была вылитой копией Машки – той, земной.

– Что-то не так? – поинтересовалась она игриво, чувствуя,

что полностью завладела вниманием звездного гостя.

– Да все не так. Особенная ты, – озадаченно буркнул Парсек. Он не знал, как ему себя вести с этой лампарусянкой, вмиг взбудоражившей все его разнообразные чувства к подруге детства.

– Великолепно! – отреагировал она с довольным видом. – Значит, мы с тобой быстро найдем общий язык. Можешь для начала наших взаимодействий подарить мне что-нибудь завалящее.

– Каких взаимодействий? – переспросил Мишка с осторожностью.

– Ну... Мы же еще не договорились о комбинезоне, – сказала дубль-Маша и снова устремила к нему свою ладонь, добавив: – А зовут меня, кстати, Маня-Монетка.

– У вас тут, на Лампарусе, руку протяни, так и без штанов останешься, – нервно хихикнул Парсек. – Имя у тебя веселое. А фамилия, дай угадаю: Банкрот № такой-то? И запомни что мой комбинезон – это навсегда мой комбинезон.

– Я же без наглости, справедливую цену предложу, – ответила Маня, надув совсем по земному свои пухлые губки и умело стрельнув волооким взглядом прямо Мишке в сердце. – К твоему сведению, пожать руку и снять штаны – это абсолютно разные формы оплаты.

Она поправила на себе одежду точь-в-точь, как Машка-одноклассница. У Парсека сперло дыхание, он раболепно уставился на это действие, поедая девушку глазами.

– Ага! – победно воскликнула Маня-Монетка. – Ты хочешь, чтобы я расплатилась натурой? По упрощенной схеме? Отлично! Сексуальный контакт подразумевает обдуманное решение каждой из сторон использовать его в качестве оплаты, так что в этом случае никакой бумажно-бюрократической волокиты не будет. А с рукопожатиями – все не так просто. Такую сделку нужно потом документально зарегистрировать, а это морока. Многие хотят обмануть, надеясь, что потом все решится в их пользу удачным образом. А натуральный обмен – самый надежный способ.

– Маша... Маня, – выдавил из себя робко Парсек. – Я, честно говоря, вижу в тебе другую девушку. И мне бы очень хотелось... сама понимаешь... некоторые части тела... или даже все увидеть у тебя обнаженными... вернее, у нее... но ты очень похожа на ту... У мужчин зрение более эротизировано... Это природа так задумала...

– Просто раздеться? – удивилась аборигенка. – Это можно. И очень даже просто, без всяких условностей. Мне это не составит труда... – И вдруг собеседница вспыхнула красно-красным звездным гневом: – Я же автономная уникальная единичность! О моих чувствах ты подумал?! Хочешь ее увидеть во мне? А как же я?! Просто секс – это я понимаю, а такое извращение, которое ты предлагаешь, – для меня неприемлемо!

– Прости! – извиняющимся тоном воскликнул Мишка и суетливо добавил: – Хочешь, подарю тебе завалищее, как

ты просила. Вот, листок у меня есть с рисунком.

Маня, не замечая звездочки на кусочке растения, быстро схватила его и прижала к взволнованно вздымающейся груди.

— Ах! Зеленый! — голос Монетки преобразился, он в момент стал мягким, милостивым и задушевым. — У нас на звезде нет такого цвета! Я его видела только в далеком космосе. Очень редко, в дни Звездной Усталости. Он мне нравится. — И тут девушка разоткровенничалась: — Каждый местный житель втайне мечтает найти самые надежные и верные паруса, которые смогут унести его отсюда на другую звезду, где жизнь благополучнее и интереснее. На наших рынках большой выбор парусины на любой вид и цвет, но, увы, пока никому из моих созвездников не удалось воспарить ввысь над Лампарусом и убраться отсюда к новому безоблачному будущему. И в последнее время многие местные обитатели уже стали терять всякую надежду на помощь пресловутых парусов. Но ходят утешительные слухи, что существует тайное общество. Зовут их Летунами. Они стремятся всеми правдами и неправдами исполнить эту мечту звездонаселения. Говорят, что они прячутся где-то в подземных пустах и все строят и строят флотилию. Правда, жители планеты стали разочаровываться и в них. Но все же еще немало лампарусян продолжают верить в успех Летунов и лучшие изменения в своей жизни. А я мечтаю о том, что за мной прилетит иноземец и заберет меня с собой. А паруса на его корабле будут зелеными. Естественно, хочу, чтобы за мной

пожаловал не самодовольный болван, как ты, а приличный человек.

– Я самодовольный?! – взвинтился Парсек. – Да я в своем мире, может быть, вполне добропорядочный и уважаемый гражданин.

– Ха-ха! Посмотрим, каким ты будешь в нашем мире, – рассмеялась Маня. – Так откуда ты здесь взялся? Хотя мне все равно: парусов зеленых у тебя же нет...

А всего лучше будет, если мой избранник и спаситель выйдет из возникшего облака волшебной золотой пыли. Честно признаться, я золота не видела никогда, так что меня легко обмануть в этом смысле.

– А с инопланетянами никто из вас не пытался отсюда улететь? – поинтересовался Парсек.

– Так у вас же никогда свободных мест для нас не находится, – зло бросила Монетка, нервно поведя бровями. – Да и видим, таких как ты, не чаще периодов Звездной Усталости. А тебя, кстати, еще проверить надо. Может, ты местный, и просто придуриваешься – выдаешь себя за пришельца.

– Зачем мне это? – недоуменно спросил Парсек.

– Вдруг ты просто решил мне голову задурить, наивной девушке, – кокетливо склонившись, ответила Маня. – Насочинял же, что точно такую знаешь, и даже просил меня раздеться. Будем теперь тебя выводить на чистую воду, разоблачать. Подобных тебе «охотников» возле меня вьется – пруд пруди.

– Я сразу понял, что ты такая же девица «с чудовищно-вероломной ментальностью», как и та, моя знакомая, – вспылil Мишка. – Ну, давай. Разоблачай!

– Не спеши, разоблачаться, – промурлыкала Маня. – Да ты и не облако. Пойдем. Угости меня едой. А то, как под одежду женскую залезть, – так в первых рядах, а как карманы свои хоть чуть-чуть опустошить в угоду девушке, так вас и не сыскать в толпе.

Мишка, разозлившись и наплевав на нормы приличия, принялся бесцеремонно и похотливо раздевать ее глазами, пристально разглядывая каждую часть ее тела, а она в свою очередь, приняв вызов, стала беззастенчиво высматривать: что же у гостя имеется ценного и подходящего для обмена. В процессе этой зрительной дуэли больше приятных ощущений получил он.

– Понравилось? Ладно, – снисходительно произнесла Монетка, – пошли просто погуляем. Так и быть. Но листочек я тебе не отдам. Кстати, ты должен стать свидетелем моего триумфа. Скоро начнется финальная игра – звездный уровень.

По дороге девушка рассказала, что игрище называется «Не угоди в долговую яму». Сохранилась эта забава, как память о прежних временах, и чтилась среди местных жителей не меньше общенациональных традиций, но лишь как дань предкам, поскольку мало кто из нынешних аборигенов помнил, что в действительности означает название этого развле-

кательного соревнования. Когда Мишка с Монеткой добрались до игровой площадки – самой популярной и, соответственно, самой большой на Лампарусе – здесь уже толпились тысячи туземцев, собравшихся со всех уголков звездной территории. В центре амфитеатра стояло смешное и очень неустойчивое здание с огромной табличкой «БАНК». Перед ним выстроилась вереница смельчаков-игроков, то и дело прибывающих и отсеивающихся – все же звездный уровень. Высший. Маня-Монетка неожиданно приобняла Парсека, будто прося его поддержки, и побежала к игрокам, шепнув напоследок интригуяюще:

– Ты мне можешь еще пригодиться.

Мишка, ошарашенный происходящим и услышанным, напряженно замер. «Я пока следую за этой девушкой, потому что она очень похожа на Машу, – попытался успокоить себя Парсек. – Но все уже выходит за любые рамки. Слишком много совпадений. Почему я здесь? Зачем я ее встретил? Я ничего не понимаю. Наверное, все же стоит подождать, посмотреть, что будет дальше».

– Ты с Маней? – раздался восхищенный возглас в правом ухе. Это был Раштум. На нем пестрел своеобразный наряд, напоминающий Мишкин комбинезон. Видимо, ему чрезмерно понравилась космическая одежда пришельца, и туземец смастерил из тряпья что-то подобное для себя.

– Ты сейчас с ней?! – возбужденно лепетал абориген. – Как она тебя к себе подпустила? К ней никто из местных

ближе, чем на метр, не может приблизиться! Ты, выходит, и вправду, достойный пришелец!

– Вроде того, – буркнул Парсек. – А она такая совсем неприступная?

– Еще какая! – восторженно ответил Раштум. – Кстати, Маня всегда в эту игру побеждает. Надеюсь, не даст промаха и на заключительном этапе. Да сам посмотри, какая она ловкая.

В этот момент отобранные игроки финала застыли, резко уgomонившись, а после оглушительного трубного сигнала, открывающего начало состязаний, все вмиг принялись прыгать наперегонки к «БАНКУ», а затем врассыпную от него. Участники противоборства, как оказалось, со связанными ногами перескакивали через ямы, появляющимися перед ними внезапно. Большинство смельчаков буквально сразу с истошными воплями провалились в скрытые ловушки, других утаскивали под землю специальные игровые механизмы на пружинах – «коллекторы». Среди немногих уцелевших Парсек различил Маню. Будто оброненная на асфальт монетка, она отскакивала от земли и, кружась и переворачиваясь в воздухе, легко перелетала через препятствия. Как и предсказывал Раштум, девушка первая достигла «офшорной зоны», то есть линии финиша. Ее обступили восторженные зрители и, подбрасывая девичье тело над своими головами, понесли к разукрашенному пьедесталу почета. Действо походило на движение огромной гусеницы, по всей дли-

не которой словно на волнах, барахталась и весело взвизгивала звездная чемпионка, радостно размахивая руками. Когда она приняла устойчивое положение, взобравшись на пьедестал, ей торжественно вручили временное свидетельство САМОЛИКВИДНОСТИ.

Нынешний статус Мани-Монетки – победительницы звездных игрищ – позволял ей в течение года, до начала следующих соревнований, получать любой товар или услугу на Лампарусе, расплачиваясь лишь рукопожатиями. Нужно сказать, что максимально допустимая цена в этой единице измерения составляет всего десять повторений. Маня же под это ограничение никак не попадала на весь указанный срок до появления нового звездного победителя. Она могла отныне пожимать руку любому лампарусянину хоть весь день и требовать отдать ей все, что она пожелает. И никто не имел права противиться, спорить с ней, а тем более отказать даже в самой пустяковой сделке.

Об этих правилах звездным жителям напомнили со спиральной трибуны, возвышающейся прямо над пьедесталом почета, представители Верхнего круга управления Лампарусом во время церемонии награждения чемпиона игрищ. Оглашенная информация поразила воображение Парсека, но только его одного, потому что любой из здесь находившихся знал, что права победителя весьма условны. На деле для чемпионов разработали специальный Кодекс поведения, который жестко регламентирует предоставленные им

возможности, вынуждает победивших в игрищах вести себя крайне скромно, не требовать невозможного от сограждан. Да и вообще ничего не требовать. Радоваться лишь тому, что им лампарусяне захотят отдать сами. По сути, у Мани появилось временное почетное звание, которое добавило ей больше обязанностей, чем реальных прав. Обо всем этом Мишке рассказала сама Монетка, сразу же после того, как она высвободилась из объятий восторженной толпы и смогла улизнуть от надоедливых фанатов.

Маня, еще не оклемавшаяся от гонки, говорила возбужденно. Она то и дело отбегала на несколько метров по пустынной дороге и двигалась перед Мишкой спиной вперед, бойко жестикулируя и имитируя свои прыжки на прошедшей звездной игре. Парсек наслаждался ее живостью и открытостью, любовался ее гипнотизирующей красотой и притягательной женственностью. Монетка с ее ребячеством и непосредственностью значительно отличалась от Машки земной, но влекла к себе, вызывая глубокие чувства и сильные эмоции, не меньше одноклассницы. Да и ее одежда больше смахивала на мужскую, чем на девичью. Мишка вспомнил слова Раштума о ее неприступности и огромной популярности у лампарусян и испытал некое раздражение, которое он никак не хотел классифицировать, как ревность даже в своих мыслях. Злясь и на нее и на себя, Мишка неожиданно выпалил:

– Так для чего, я тебе могу пригодиться, Маня? Ты мне

сказала об этом перед игрищами. Помнишь?

– Ну как же! Я стала чемпионкой! – кокетливо отозвалась девушка. – И нужен кто-то для исполнения всех моих прихотей и желаний. Ты в самый раз подойдешь.

– Конечно, – язвительно выдал Парсек. – Говорят, к тебе местные подступиться боятся – ты как крепость с пушками и кипящей смолой. А ко мне все липнешь и липнешь. С чего это? И при первой встрече я тебя в яме нашел, неуклюжую! А тут ты вон как умело скакала!

Маня резко остановилась, заглянула Парсеку в глаза и вкрадчиво спросила:

– А ты сам не понимаешь?

Мишке стало неловко, впрочем, как и всегда, когда рядом с ним находилась Машка-одноклассница. Он мучительно подбирал слова, нервно подергивая уголками рта, но так и не произнес ни слова. Внезапно тишина лопнула от заливающего женского смеха. Монетка весело корчилась, хватаясь за живот, и тыкала пальцем в смущенного попутчика.

– Что там себе придумываешь? – наконец-то смогла произнести она. – Ты же иноземец, я тебя изучаю. Вдруг – шпион! Ха-ха! Нужно все-таки отвести тебя на проверку в специальное место. Пойдешь?

– Веди! – с обидой ответил Парсек. – Мне скрывать нечего.

– Так уж и нечего? – прищурилась лампарусянка и зашагала вперед, не оглядываясь. Мишка поплелся за ней следом,

понимая, что это воплощение Машки тоже запросто манипулирует им, как и та земная волоокая красавица, но ничего не мог с этим поделать.

После продолжительной ходьбы они добрались до небольшого строения, прилепившегося к дымчатому обрыву красно-синей гряды. Свечение, исходившее из окон, сложенного из разнокалиберных камней здания, значительно отличалось от окружающего: было более насыщенным и ярким. Маня остановилась в проеме входа и призывно посмотрела на попутчика. Мишка слегка растерялся, даже испугался. Кто же знает, что его ожидает там внутри? Но быстро собрался духом и нарочито вывернул несуществующие карманы комбинезона, показывая всем своим видом, что никаких затаенных мыслей и замыслов у него нет. Затем медленно с опаской всунулся в узкий проход. Ослепленный ярким светом, Парсек какое-то время простоял в напряжении, ожидая всего что угодно. Но ничего не происходило. Когда его глаза привыкли к необычной иллюминации, он окинул взглядом внутренности помещения и успокоился: ничего пугающего там не было. Вдоль стен стояли лавки, а в центре находился сгусток яркого света, напоминающий небольшой газовый факел. Монетка уже сидела задумчиво на одной из лавок и болтала ногами. Мишка примостился неподалеку: не рядом с ней, чтобы дать ей понять, что она не права, не веря ему, но и не очень далеко, что она могла бы истолковать, как его желание полностью разорвать взаимоотношения с лам-

парусянкой.

– Смотри на огонь, – тихо велела она. Мишка послушно уставился на светящийся сгусток, отчего снова ослеп на время.

– Ты лампарусянин? – спросила Монетка со сталью в голосе.

– Нет, я сюда попал незадолго до встречи с тобой, – ответил Мишка.

– Хм, верно, – смягчилась Маня. – Пламя не изменяется. – И продолжила: – А цель твоего визита на нашу звезду?

– Случайность, – ответил Парсек, и огонь в центре помещения снова остался в прежнем состоянии.

– Странно все это, – задумчиво произнесла Монетка. – Неужели тут что-то сломалось? – И через минуту ей в голову пришла удачная мысль. Маня лукаво и, чеканя слова, сказала: – Говори, что ты обо мне думаешь. Нравлюсь я тебе?

– Нет! – взвинтился Мишка, и тут же пламя невообразимо вспыхнуло и, разметавшись во все стороны, заполнило собой чуть ли не все помещение, не причиняя никакого вреда.

– Вот ты и попался! – самодовольно резюмировала девушка и, не удержавшись, хихикнула: – Теперь точно будешь мои прихоти и желания исполнять! Пошли уж.

Парсек раздосадовано двинулся за ней. Маня, весело подпрыгивая и приплясывая, устремилась вдоль горы. Мишка с трудом догнал ее и, переведя дыхание, спросил:

– А что это было? Там, в здании... Пламя и все такое...

– Сам не видел, что ли? – многозначительно переспросила Маня. И тут же игриво качнула головой и крикнула: – Пове-
леваю! Займи Монетку!

– В каком смысле? – опешил Парсек и машинально стал
искать на себе карманы, похлопывая по бедрам и бокам.

– Какой ты бестолковый! – притворно возмутилась Ма-
ня. – Развлеки меня! Выполняй мои прихоти!

– Как развлечь?

Девушка ухватила Мишку за руки и принялась бегать во-
круг него, капризно крича:

– Покрути Монетку! А-а-а! Покрути!

Парсек вертелся словно юла, крепко держа лампарусянку
и ему это даже нравилось. Но до тех пор, пока они не по-
валялись на землю, потеряв равновесие и достаточно боль-
но ударившись о камни. Казалось, что Мане все было нипо-
чем: она вскочила и снова с упоением закружилась и завер-
телась. Парсек же какое-то время потирал ушибленные ме-
ста и недовольно ворчал. Но задор, исходивший от лампару-
сянки, быстро отвлек его от зудящей боли и снова вовлек
в их парное веселье. Они подошли к тому месту, где склон
был покатым и удобным для подъема вверх. Деланно охая,
девушка снова притворилась неуклюжей и слабой, пытаясь
забраться на небольшой выступ размером всего лишь с высо-
кую ступеньку. Оглянувшись на своего спутника, кивком го-
ловы она вызывающе взметнула волосы и жалобно прошеп-
тала:

– Подбрось Монетку! Подбрось меня, но только удачно!

«Подбросить наудачу! – подумал Парсек. – Встретил ее – тоже наудачу. Она восполняет в процессе наших „взаимодействий“ все то, что не дала мне Машка земная». Опустившись на колено, он подставил сложенные руки для упора под ее башмак, чем она незамедлительно и воспользовалась.

– Ты на все готов за Монетку? – шутливо спросила лампарусянка и, хохоча, устремилась к гребню горного хребта, виднеющегося во всполохах внутризвездного свечения и кажущегося пограничным форпостом, скрывающим и охраняющим то ли другой мир, то ли какую-то глобальную тайну.

Вдруг свечение, исходящее из-под поверхности Лампаруса, резко изменилось. Оно стало походить на полусгоревшую лампочку: яркие вспышки чередовались с кромешной темнотой, полностью укутывающей звезду. Мишка напрягся, а Маня радостно заулюлюкала и села на подвернувшийся камень.

– Ура! – крикнула Монетка. – Садись скорее рядом. Началось!

– Что это? – спросил Парсек с беспокойством в голосе.

– Ты что?! – воскликнула она. – Это же период Звездной Усталости! Хорошо было бы, если он продлится несколько дней, – и добавила восхищенно: – Смотри, смотри! Видишь, вот и мой любимый зеленый цвет в небе!

Действительно высоко над Лампарусом будто бы соткался небесный ковер, пестрящий разными красками, и зеленый

там преобладал. Ее восторгу не было предела, девушка при каждом всполохе, озаряющем все, что находилось на ее родной звезде, радостно сжимала Мишкину руку. Внезапно мир погрузился в непроглядную темноту, Парсеку стало жутковато.

– А сейчас... раз, два, три... – шептала таинственно Маня. – Представление начинается!

На равнине под горою один за другим стали вспыхивать маленькие оранжевые огоньки. Их было очень мало, и походили они на светлячков, попавших в огромную паутину местного мироздания.

– Это Лампосвечение, – зачарованно произнесла Маня. – Кстати, очень редкий и дорогостоящий вид расплаты. Лампы на Лампарусе – больше чем роскошь. Они у нас в особом почете, и владеют ими единицы. Ходят слухи, что те, кто имеет лампы, – они и есть Летуны. Впрочем, никто правды не знает. Кто может дорого заплатить, получают право садиться близко к лампе, а кто нет – смотрят на ее свет издалека, как мы сейчас.

– Странно, – удивился Парсек. – Живете на огромной звезде, а радуетесь маленьким огонькам лампадок. Нонсенс.

– Ты не понимаешь ничего, чужак! – возмутилась Маня и недовольно толкнула Мишку в плечо. – Свет ламп для лампарусян – это свет надежды и сосредоточие пока еще неисполненных желаний. В такие периоды каждый из нас предается мечтам, но не банальным каждодневным, а тем, которые

спрятаны глубоко в сердце. В такие моменты мы позволяем себе думать о самом сокровенном.

– И о чем же ты сейчас думаешь? – улыбнулся Парсек.

– Да кто же тебе об этом расскажет? – добродушно отозвалась Монетка и, вдруг резко повернув к нему свое лицо, вмиг ставшее пунцовым, произнесла: – Как все сложилось романтично! Поцелуй Монетку! – И тут же сама впилась в его губы. У Парсека потемнело в глазах. Но он успел в возобновившихся всполохах внутризвездного свечения увидеть ее горящий взор с прожигающими его насквозь черными зрачками. Казалось, что природа дала им больше пространства, чем было необходимо, и они вполне свободно плавали по всему главному океану. Точно так же как и у Машки. Было в этой огромной внутриглазной Вселенной нечто необъяснимое, но не в глубине, а блуждающее в уголках глаз. Еле уловимое и притягивающее с такой силой, что невозможно было оторваться. В общем, что-то было не так с глазами у них обоих. Парсек, чувствуя влажные мягкие губы Мани, пытался понять: предает ли он свою Машку или это она и есть, просто немного другая. Но его земная «звезда» целоваться с ним только лишь обещала, а лампарусянка делает это сейчас. «Разве Монетка – это не воплощение Машки? – вихрилось в черепной коробке юноши. – Внешне она такая же. Пусть по характеру и в поведении – полная противоположность... Маня мне уже более близка, а я, идиот, все думаю о той, земной... Чушь! Это Машка и есть! Она

просто переместилась на другую орбиту, вернее, поменяла галактику. И здорово изменилась, превратилась в такую, какой бы я и хотел ее видеть. Стала относиться ко мне так, как я и хотел...» Маня отстранилась и пристально посмотрела на Парсека.

– Я не против, – вдруг лихорадочно заговорила она. – Посмотри, ты же просил. Можешь даже потрогать, небось, не щупал еще никого из девиц? На вашей планете это вообще принято? Та, что на меня похожа, ничего тебе не позволяла? Она – ханжа и задавака? Я тебя у нее забираю! – И девушка принялась стаскивать с себя одежду.

– Я ее трогал за все детали... гардероба, – ответил Парсек сконфуженно и растерянно. Ему стало еще больше не по себе, и он с трудом выдавил: – Постой! А вдруг у тебя там нет так, как у Маши. Лучше не стоит. Я же ее видеть хочу.

– Дурак! Что там не так? – рассерженно прокричала Маня. Она быстро отвернулась, запахиваясь, и тут же устремилась вверх к гребню, гневно бросив недотепистому кавалеру:

– Вот теперь попробуй отыщи Монетку!

– погоди! – спохватился Парсек. – Такая твоя «отзывчивость» меня просто настораживает и даже пугает. Дай мне немного времени, и я привыкну. Мы же знакомы с тобой – всего ничего. – И подумал: «Эти слова, по сути, да и по общепринятым нормам, она должна говорить, а не я. С этой Машей и ее копией я уже совершенно сам не свой...»

В этот момент внутризвездное свечение пришло снова

в свою обычную норму и стабилизировалось. Маня, поднимавшаяся все выше и выше на кручу, почти исчезла из виду. Мишка отправился за ней. Он, чертыхаясь, взбирался, порой карабкаясь по скользким камням и рискуя собственной жизнью. Но это его сейчас не особо волновало. Он размышлял о том, как здесь появился и зачем. В том, что космическое путешествие приключилось с ним наяву, уже не было никаких сомнений. Правда, и сильно углубляться в подобные размышления не стоило. Вдруг придет в голову что-нибудь мрачное, дестабилизирующее сознание – и неизвестно каковы будут психические последствия. Лучше подождать и все, возможно, образуется и выяснится само собой.

За очередной грудой камней открылось горное плато с давно потухшим кратером. На самом его краю, в размещавшемся скоплении вулканической пыли, Парсек обнаружил следы от башмаков Мани. Они вели прямо вниз, в бездну. Пришлось осторожно спускаться туда – Монетку следовало отыскать любой ценой. Он не смог найти Машку, нельзя же потерять теперь и Манию. В утробе вулкана было намного темнее, чем на поверхности. Это удивляло, все-таки свет шел изнутри звезды. Как долго длился спуск – сказать было сложно, показалось, что целую вечность. Парсек хотел было крикнуть, позвать Монетку, но почему-то не стал этого делать, возможно, боясь, что она не отзовется и тогда мрачные мысли о гибели девушки по его вине совсем одолеют и так воспаленное сознание. Наступив на скользкий камень, юно-

ша не удержался и сорвался вниз...

Голова гудела, было ощущение, что она зажата в механические тиски. Мишка приоткрыл глаза: ровный свет освещал просторную комнату с серебристыми стенами и таким же потолком. Повернув голову набок, он увидел Маню, лежащую на кушетке неподалеку. Глаза ее были закрыты, она не двигалась, но, по всей видимости, была жива. Вдруг девушка зашевелилась, приподнялась и села. Посмотрев на Парсека, она с нотками тревоги в голосе спросила:

– Ты меня бросил? Ничего не помню.

– Да что ты! Нет! – обрадовался Мишка тому, что Монетка пришла в себя и благополучно забыла причину их расставания, и попытался пошутить: – Ты сама... укатилась.

– Как это?

– А! Ты же не видела монеты, тебе не понятно, – спохватился Парсек. – В смысле, сорвалась с кручи в вулкан... И туда кубарем... Ненароком...

В одной из стен раздался шорох и скрип: отворились малозаметные двери и в комнату вошли трое. Первый чем-то смахивал на хозяина магазина, в котором работал Мишка, он держался так, будто занимает очень высокую должность. Двое других – мужчина и женщина в обтягивающих серебристых костюмах с траурными аксельбантами – остановились у дверей и застыли на месте. Главный внимательно осмотрел Маню и Парсека, натянуто улыбнулся и поприветствовал их.

– Как вы сюда попали? – спросил он.

– Случайно, – уже привычно отозвался Мишка и уточнил: – Мы еще на Лампарусе?

– Совершенно верно, – сурово подтвердил Главный, – но в таком месте, куда непосвященным вход закрыт.

В воздухе повисла напряженная тишина.

– Ну да ладно, – смягчился Главный, – будете нашими гостями. А может быть, и вольетесь в наш коллектив. Нам лишние руки пригодятся.

Мишка снова подумал, что не его руки нужны уж точно, правда, сумел промолчать. Маня, до этого момента не проронившая ни слова, вдруг вскочила, подбежала к Главному и вперилась глазами в небольшую эмблему на его костюме, на которой были изображены паруса в форме крыльев.

– Так это не легенда?! – восторженно воскликнула она. – Вы, и вправду, существуете?! А где же флотилия, о которой столько говорят? – И уже обращаясь к Парсеку, радостно зашептала: – Это и есть Летуны! Тайное общество! Наши спасители!

– Да, это мы, но все обстоит несколько иначе, чем вы предполагаете, – угрюмо ответил Главный и рассказал о деятельности тайного общества, которое создавали с благими намерениями, заботясь о безопасности и спасении лампарусян. Дело в том, что дни Звездной Усталости, которым так радуется большинство местных обитателей, по сути, предвещают катастрофу. Лампарус потухает на время, а затем снова оживает. Таких периодов становится все больше, и в итоге эти

процессы, как считают ученые, приведут к гибели звезды. Уже скоро она потухнет совсем. Когда убедились в верности сделанных выводов, тогда представители Верхнего круга управления Лампарусом образовали тайное общество, в которое сами и вошли. Вначале тщательно рассмотрели всевозможные варианты решения проблемы и выбрали самый яркий и грандиозный – строительство Небесного Дорожного Полотна. Усердно и с размахом принялись они реализовывать этот невероятный проект. Работа кипела и днем и ночью: беспрерывно проводили презентации и заслушивали отчеты о планируемых подготовительных мероприятиях. В итоге оказалось, что проект попросту нереален. Вот тогда и пришла разумная идея – построить флотилию космических кораблей. Но было уже поздно – бюджет иссяк. С трудом могли бы наскрести на фанерные суденышки с бумажными парусами, но эту затею вовремя посчитали нерациональной и притормозили новый проект. Чем, кстати, представители Верхнего круга управления Лампаруса довольны до сих пор и даже испытывают некую гордость за такое мудрое собственное решение. Но самым главным своим успехом тайное общество считает своевременное создание легенды о Летунах (слухи о тайном обществе спасителей более привлекательны для ушей и голов лампарусян, чем официальная информация о появлении непонятного объединения, в которое входят одни лишь высокопоставленные чиновники) и культивирование всеобщей мечты звездонаселе-

ния о надежных и верных парусах. В поддержку нового политического курса даже запустили специальную фабрику здесь, в кратере, по производству разномастных парусов, которыми тайно наводняют рынки и снабжают торговцев.

– Дурите, стало быть, свой народ? – брезгливо поинтересовался Парсек.

– Что вы! – возмутился Главный. – Даем надежду... средство так сказать... Важно, чтобы лампарусяне продолжали верить и надеяться на лучшее будущее. Кому действительно хочется узнать, что все наши старания были бесполезны, все попытки безуспешны? Пусть лучше звездонаселение поживет чинно и благонаравно до самого последнего момента существования Лампаруса. Так всем будет спокойнее.

Мишке и Мане предложили поработать на спецфабрике, предупредив, что, невзирая на участие в тайной миссии, рассчитывать на какие-либо льготы им не стоит. Здесь зарплата, как и на всех территориях Лампаруса, начисляется в рукопожатиях. Правда, их количество значительно увеличится. И намекнули, что выбора у молодых людей нет: отсюда их не отпустят, поскольку они узнали об истинном положении дел на звезде.

Громоздкое здание фабрики отдавало броской помпезностью, впрочем, как и все за что брались Летуны: от галактических проектов и до обустройства туалетных комнат. Как и на основной базе тайного общества, так и в специальном производственном комплексе по изготовлению парусов туа-

леты размещались буквально на каждом шагу. Как выяснилось, Летунам там лучше думается, а мыслить в последние годы требовалось очень много, учитывая надвигающуюся общезвездную катастрофу. Вот они и просидели большую часть дееспособного времени в туалетных кабинках, размышляя и заодно справляя свою нужду. Но как Летуны не старались, эффективного средства для спасения лампарусян они так и не изобрели. Лишь фабрика стала продуктивным венцом их напряженных исканий, к тому же она приносила существенный доход. Автоматизированное производство штамповало паруса всяческих видов и расцветок самостоятельно; Мишку с Маней приняли на должности подсобных рабочих – смазывать гулко стонущие механизмы и убирать осыпающуюся от мощной вибрации штукатурку. Монетка как образцовая лампарусянка тотчас принялась выполнять возложенные на них обязанности, а Парсек, чтобы унять свое негодование, отправился по цехам – осмотреться. Вокруг скрежетало, звенело и бойко постукивало. Широкие ленты парусины сами по себе змеились по воздуху от одних агрегатов к другим, расчлняясь, приобретая различные формы и впитывая сезонные расцветки. Чтобы на время укрыться от этой производственной чехарды, юноша вошел в складское помещение. Здесь было тише и спокойнее. Стоял приятный полумрак; стеллажи просели под горами рулонов материи, емкостей с красками и всяческими химическими препаратами. По телу Мишки побежали мурашки – все

это напоминало огромную кладовую корпорации по оказанию ритуальных услуг. Но, заметив банку с зеленой краской, обрадовался. Он придумал, как развеселить Монетку и сделать ей приятное. Она ведь любит этот цвет. Разыскав распылитель, юноша выбрал подходящий кусок парусины и равномерно нанес на него красящее вещество. Набросив материю на швабру, он поднял свой «парус» высоко над головой и ринулся к девушке. У цеха, в котором Маня сметала куски штукатурки в аккуратные кучки, Парсек остановился, отдышался и после этого торжественно вошел внутрь. Изумленная Монетка замерла. Приближаясь к девушке, Мишка споткнулся о толстый кабель, соединяющий агрегаты. Тот оторвался, заискрился и уткнулся в фырчащий аппарат. Механизм жалобно затарахтел, затрясся в техногенных конвульсиях, и затих, прежде изрыгнув вверх солидную порцию золотистого порошка, который, превратившись в пыльное облако, накрыл Парсека с головы до пят.

– Так это все-таки ты? – пролепетала Маня смущенно. – Мой избранник? Вот облако волшебной пыли... Вот зеленый парус... Все так, как я и мечтала... Ты прилетел за мной?

– Я не знаю, – растерянно ответил Мишка.

– Да за мной, однозначно! – убежденно заявила девушка. – Когда мы улетим отсюда?

– Я не знаю, – повторил юноша.

– Надо поторопиться! – настаивала Монетка. – Сколько еще звезде осталось существовать? Где твой корабль?

Тут в цех вбежали разгоряченные служители тайного общества и обступили молодых людей.

– Велено вас изолировать, – сказал один из прибежавших. – Вы представляете угрозу нашему производству. По вашей вине произошла авария, а это по крайней мере убытки.

Неожиданно даже для самого себя Парсек приподнялся в воздух. Служители затихли и настороженно попятись. Мишка спланировал вниз, ухватил Монетку за талию и вместе с ней помчался на небольшой высоте к выходу. Им удалось быстро выбраться из фабрики; ошарашенные представители тайного общества не препятствовали беглецам. Взмыв вверх юноша и девушка стремительно вылетели из кратера и опустились на поверхность звезды уже у подножия горы. Маня восхищенно смотрела на своего спутника. А он задумчиво стащил с себя комбинезон и протянул ей:

– Надень. Надеюсь, поможет.

Монетка молча натянула на себя одежду, а в это время на Парсеке непонятно каким образом появился такой же точно комбинезон. Юноша и сам был поражен происходящим.

– Видимо, началось. Я не знаю, что будет дальше. У меня это впервые.

Поверхность Лампаруса засверкала и покрылась трещинами, расплзающимися вдаль и вширь. Они натужно расширялись, превращаясь в глубокие разломы звездной тверди, ознаменовав необратимый процесс гибели космическо-

го тела. Из ломаных линий расщелин наружу вырывались струи раскаленного шипящего газа. Парсек схватил девушку за руку и будто пушечный выстрел взмыл ввысь. Маня с ужасом наблюдала за разрушением родной звезды. Ее рука вдруг ослабела и она со слезами на глазах неожиданно попросила.

– Брось Монетку... Это мой дом...

Парсек с удивлением смотрел на нее, пытаясь удержать, но безжизненная девичья ладошка выскользнула из его рук. И Маня, медленно вращаясь и переворачиваясь, стала опускаться к погибающей звезде... Юноша, придя в себя, рванул следом за ней, чтобы спасти девушку, но в этот момент Лампарус залихорадило от бушующей внутренней энергии и разорвало на куски, а Мишку ударной волной откинуло далеко в космос. «Я бросил Монетку, значит, могу загадать желание, – лихорадочно бились безумные мысли в голове Парсека. – Пусть она будет жить. Пусть она ко мне вернется... Пусть...»

Гигантское расширяющееся облако газа и пыли поглотило остатки распавшегося Лампаруса, образовав на какое-то время причудливую форму паруса с зеленоватым оттенком. Затем оно трансформировалось и стало похоже на огромную лампу, словно в последний раз вспыхнувшую для лампарусян и сопровождающую в небытие все их коллективные и индивидуальные надежды и чаяния...

III

Мишка очнулся на чердаке магазина. У него что-то было зажато в кулаке. Посмотрел. Это был зеленый листок, который он подарил Мане-Монетке. Там, на Лампарусе. Каким образом подарок вернулся к нему, Мишка не знал. В один миг листок, еще хранивший тепло рук лампарусянки, задох, скукожился и свернулся. Юноша только сейчас услышал свой шепот:

– Я ее потерял... Я ее потерял...

Парсеку было сложно понять: равносильны ли чувства горечи из-за смерти Мани и от расставания с Машкой. Но Монетка исчезла навсегда, безвозвратно, а с бывшей одноклассницей он все же надеялся еще встретиться. Гибель Лампаруса со всеми жителями и их мечтами глубоко поразила душу юноши. Молодой человек именно теперь четко усвоил – мечты в большинстве своем не осуществимы. Но как можно смириться с осознанием того, что твоя мечта несбыточна? Даже будь ты хоть семи пядей во лбу, а некоторые желания, вполне реальные, ты по ряду непонятных причин никогда не сумеешь осуществить. Вот и он может спокойно путешествовать в космосе, а с Машкой быть не может. Как и с Монеткой, которую больше никогда не увидит. Правда, Маня все-таки Машкина копия, значит, о ней останутся не только воспоминания. Есть ее живое воплощение, вернее, ее про-

тотип... «А вдруг это просто сон или мой обычный провал в никуда?» – пришла успокоительная мысль. Парсек решил ни убеждать и ни разубеждать себя в этом. Будь, что будет.

– Ты опять там, на чердаке, битых два часа проторчал без дела? Иди сюда, помогай, – раздался снизу зычный голос Семена Марковича. Мишка спустился в магазин и с головой окунулся в земную реальность...

– Где ты пропадал? – спросили встревоженные родители, когда Парсек, бледный и с пустыми глазами, вернулся домой. – Сегодня мы Дашу видели.

– Что она сказала? – встрепнулся юноша.

– Ничего. Привет передала.

Мишка заперся в своей комнате. Так просто забыть все, что с ним произошло, он был не в силах. Пусть даже это было наваждением, буйной фантазией, точно как игра воображения того полоумного астронома, чей атлас Парсека угораздило на свою голову отыскать в чердачном хламе. Парень вытащил альбом со школьными фотографиями, на них Машка казалась такой близкой и каждодневной, будто и не расставались с ней никогда. А еще она была очень похожа на Маню-Монетку. В конце альбома Мишка сентиментально хранил школьную тетрадку одноклассницы с кусочком раздавленного им же самым миниатюрного глобуса. Парсек нервно захлопнул альбом и забросил его подальше в шкаф. «Машка не дает мне покоя... Чудится не пойми что... космос... и прочее... Да ну его к черту этот чердак! Нужно жить реа-

лиями...»

Сбросив накопившийся эмоциональный заряд, юноша почувствовал некое облегчение. Он вышел на улицу и отправился в кинотеатр, развеяться. В общественном транспорте Мишка обратил внимание на девуцу в вызывающей черной майке. У нее на груди была какая-то надпись, но прочитать ее полностью не получалось из-за неудачной позы носительницы фразы. Видно было лишь «Меня можно ...ть». Парсек, чтобы совсем отвлечься от своих тяжелых раздумий, принялся весело перебирать в уме подходящие глаголы, предполагающие различные действия с этой представительницей прекрасного пола, включая и те, которые носят непозволительный характер. Многие ему показались вполне уместными и привлекательными. На очередной остановке девушка прервала его мыслительный процесс, поднявшись и готовясь к выходу. Теперь надпись открылась любопытным глазам во всей целостности: «Меня можно завоевывать». Сидящая рядом девушка постарше громогласно выдала свою оценку увиденному:

– Что ты напаялила? Возомнила о себе бог знает что! Завоевывать ее еще надо сыкуху!

Раскрасневшаяся девчушка стремительно выпорхнула из автобуса, а Мишка подумал: «Интересно, а есть ли во Вселенной ее копии? Наверняка есть».

В кинотеатре у билетных касс никого не было, парень подошел к ближайшему окошку и остолбенел – за стеклом си-

дела Дашка. Она, увидев его, растерянно захлопала ресницами и в замешательстве сказала:

– Я не хотела тебе говорить... Не сложилось у меня пока что-то... Провалилась в университет и вот...

– Да брось ты! А я телескопы продаю, – успокоил ее Парсек.

– Я меняюсь скоро, – облегченно сказала бывшая одноклассница и предложила: – Пойдем погуляем?

Они, вспоминая школьные годы и смеясь, брели по ярко-стеклянному проспекту. Мимо сновали прохожие, медленно проползали красочные витрины, а эти двое словно погрузились в свой мир, оградившись от окружающей реальности защитным энергетическим барьером.

– Я бы с удовольствием сейчас в третий класс вернулась, – улыбаясь, сказала Дашка.

– А почему не в первый? – поинтересовался Мишка.

– В первом у меня бантики были некрасивые, – рассмеялась девушка. – Мне они совсем не нравились. А в третьем – и с бантами все в порядке было, и ты лично мне на восьмое марта подарок вручал. Ну и Машке, разумеется.

– Я уже и не помню, – сказал Парсек, – все мальчишки одинаковые презенты раздавали одноклассникам. Как и вы нам в феврале. А я бы, наверное, в старших классах не против снова был бы оказаться.

– Конечно, девчонки уже обвзрослелись тогда, – хихикнула Дашка. – Хотя тебе какое дело до нас было? Ты же,

как привязанный, за Машкой бегал везде. Только ее и видел, других не замечал. Даже в морской бой только с ней одной играл.

– Мы же вместе с ней за партой сидели, – резонно заметил Мишка. – И не в морской бой, а в космический. Она же звездой все время была, а я... космонавтом. – И перестроившись на серьезный лад с неким напряжением в голосе спросил: – Кстати, что ты имела в виду, когда говорила, что я могу вам пригодиться?

– Это Машка сказала, а я всего лишь передала, – ответила спутница. – А мне ты всегда был нужен. И сейчас тоже... Ты же и со мною дружил, не только с Машкой?

– Ничего о ней больше не слышала? – уточнил юноша.

– Сдалась она тебе! – вскипела Дашка. – Она мне, конечно, подруга, но тебе уже давно пора ее забыть! Нельзя так засорять себе голову бесполезными вещами, например, несбыточными мечтами о Маше. Она, если и объявится, то не останется с тобой ни на жизнь, ни даже на ночь.

– Наверное, я влюблен в нее безнадежно, – признался Парсек.

– Да не нужен ты ей! – в сердцах крикнула девушка и нервно рассмеялась: – Ты же не смог подобрать к ней подходящий драйвер, а Вадим сумел, правда, кратковременный. Сбежал же от нее или она сама его прогнала, я точно не знаю. Давай договоримся, что отныне Машка для нас – это лишний ингредиент в салате! Ха-ха-ха!

– Ты не понимаешь, я вижу ее то ли во сне, то ли наяву, – сокрушенно сказал Парсек и вкратце рассказал о путешествии на Лампарус.

– Вот это тебя переклинило! – удивленно выдохнула Дашка. – Ну, ничего. Я тебя вылечу. Собираюсь же снова поступать на психолога, – и вдруг лукаво добавила: – Так давай начнем лечение прямо сейчас. Кстати, я на море недавно была. Хочешь фотографии мои посмотреть, где я в купальнике?

– Брось ты это, Даш, – угрюмо ответил Мишка.

– Ну, куда уж нам, простым смертным, до «звезд», – иронично усмехнулась Дарья. – Ты все еще стремишься к ней, и она тебя по-прежнему достает, даже на огромном расстоянии. Хорошо, – не унималась одноклассница, – мы еще вернемся к этому разговору, а давай я тебя познакомлю с интересной девушкой? Развеешься, отвлечешься. Да и в сравнении же все познается.

Парсек усиленно отнекивался, но Дашка достала мобильник, набрала номер и договорилась со своей знакомой о ее встрече с Мишкой на следующий день.

– Я не хочу, чтобы ты сбрендил из-за Машки, – пояснила одноклассница. – Тебе сейчас нужно позитивно изменить свою окружающую действительность. А раз ты пока не можешь решиться на то, чтобы этим занялась я, пусть тогда попробует это сделать другая. Я же за тебя переживаю. Так будет лучше, поверь. – И заметив, что Парсек пытается провалиться в себя и не слушать ее, толкнула его в плечо, стараясь

растормошить: – Почему нет отклика? Где обратная связь? Я же пытаюсь до тебя достучаться!

Юноша вынужден был согласиться под эмоциональным натиском неумолимой Дашки и клятвенно пообещал пойти на устроенное ему свидание, а для себя сразу решил сделать его максимально скоротечным.

Ее звали Наташа. Работала она библиотекарем. Встретились, как и было условлено, в кафе. Наташа уже сидела за столиком с книгой в руках. Оделив оценивающим взглядом подошедшего Мишку, она певуче произнесла:

– Я читаю и страшно подумать, что же у этого писателя в голове творилось...

– О! Ты не представляешь, что творится в моей, – ухмыльнулся Парсек. – Слышала что-нибудь о Небесном Дорожном Полотне?

– Ну, у тебя – случай поправимый, – улыбнулась она. – Это же все из-за девушки, мне Даша говорила.

У Наташи была короткая стрижка и тонкие брови-стрелы. С украшениями она явно переборщила – кольца насадила практически на каждый свой палец на обеих руках. В том, что девушка начитана, не было сомнений. Она с легкостью швырялась цитатами и заумными словечками по поводу и без.

– Все твои фантазии о Маше – суггестия чистой воды, – изрекла библиотекарь. – Мужчине нужно всегда быть непоколебимым кобелем, преследующим основную природную

цель и выполняя определенный круг, возложенных на него обязанностей. Не разбрасываясь и не лентясь. Долой маниловщину! Мужчина не имеет права быть беспочвенным мечтателем! Тебе нужно просто посмотреть по сторонам – и начнешь спотыкаться об девушек на каждом шагу.

– А что такого страшного и предосудительного в том, что я вождедею лишь одну восхитительную девушку? Думаю только о ней? – спросил Парсек без особого интереса.

– Ты, наверное, не заметил, что у нас в разгаре век скоростей? – поучительным тоном уточнила Наташа. – Длительная привязанность мужчины к одной особе женского пола – это признак губительной энтропии в его мозгу. К тому же демография весьма страдает. Да! У меня дома есть занятная книга на эту тему. Тебе будет очень полезной. Пойдем полистаем?

– Все твои знакомые представители мужского пола тебя, наверное, боготворят, – хихикнул Мишка и из любопытства отправился с Наташей в ее квартиру. По дороге она ему зачем-то талдычила о полезных витаминах, содержащихся в кориандре, и что это лучший ингредиент для салата, а он думал о бозонах Хиггса, которые так причудливо сплетаются в абсолютно различные формы и тела. Когда они вошли, Наташа усадила кавалера в кресло, сунув ему в руки фотоальбом, и сказала:

– Полистай пока его. Там есть и мои пляжные фотографии. А я на минутку оставляю тебя.

«Их всех зациклило, что ли, на своих фото в бикини?» – подумал Парсек и принялся рассматривать морские пейзажи. Он смотрел на фотокартинки с полуголой Наташей, а ему мерещилась Машка, которая с томным взглядом просила, распахивая на себе халатик:

– Посмотри на меня...

Мишка судорожно захлопнул альбом и положил его подальше от себя. Появилась Наташа в прозрачном одеянии и с затаенной надеждой спросила:

– Копался в моих вещах, пока меня не было? Рылся в моем белье, шалун?

Юноша не нашел слов и смог только отрицательно замотать головой. Библиотекарша, опершись о дверной косяк, игриво качнула своим красивым, откормленным бедрищем, и приблизилась к Мишке.

– Зачем впустую мечтать о Маше, вот я – реальная благодатная почва! – промурлыкала она. – Внеси в меня свои семена! К чему какие-то сложности в достижении счастья? Оно состоит из простых вещей, чувств, ощущений и инстинктов. Так что не заморачивайся. Я твоя игрек-переменная!

– Это альфа или бета? – немного растерявшись, спросил Парсек.

– Это игрек, – настойчиво повторила Наташа и обнажила свои пирсингованные соски. – Сначала будь со мною грубым и необузданным! А потом посмотрим до чего дойдем. –

И она выхватила откуда-то из-за спины лошадиную уздечку. Мишка с опаской огляделся: нет ли у нее поблизости еще чего-нибудь нетрадиционного и травматического. Наташа скинула с себя все, оставшись только в трусах довольно агрессивного вида. Ее зону для интимной коммуникации прикрывала нарисованная оскаленная пасть львицы. Парсек подумал, что секс с этой девушкой уже подразумевает подвиг. По крайней мере битву уж точно.

– Ты хочешь меня поиметь? – настороженно поинтересовался он.

– Кто и кого должен трахать определенно природой, – с хищной улыбочкой пояснила библиотекарьша. – Ну, а скакать друг на друге будем по очереди. Утоли меня! Избавься от нагромождений в своей голове.

Тут перед Мишкиными глазами снова возник образ Машки. Она с суровым видом держала в руках инструмент для кастрации и медленно, с чувством выдавливая из себя слова, спросила:

– Собираешься мне изменить?!

Парсека передернуло от испуга и волнения, так реалистична была увиденная картина, и такой решительной в своих действиях показалась ему бывшая одноклассница. Ничего не оставалось, как сбежать от библиотекарши в ту же минуту. Вскочив и сломя голову несясь к выходу, он успел крикнуть Наташе с ехидством:

– Спасибо! Спешу! Я тебе пришлю розы! Почтой! В се-

менах!

Библиотекарша провожала его удивленным прищуром, а когда он выбежал из квартиры, тихо со злостью прошипела:

– Ничего! Сам ко мне приползешь! Меня еще никто не бросал.

Разнервничавшийся Парсек позвонил Дашке:

– Ты специально меня с ней познакомила?

Подруга хихикнула в ответ:

– Так все познается же в сравнении...

Парсек снова забрался на чердак. Он его притягивал со страшной силой, вернее атлас, который, того не ведая, передал ему по наследству полоумный астроном. Ведь эта старинная книга открыла Мишке путь в другие миры и позволила увидеть Машу. Пусть ее иное воплощение, но все же. Парсек желал встретить девушку – «главный компонент своей жизни» – хотя бы еще один раз. «А вдруг больше ничего не выйдет и это была моя единственная возможность, а я не смог Машку-Маню спасти? – переживал юноша. – Как все происходило перед полетом? Я узнал о Машкиной беременности и сразу же совершил скачок в космос. Но как? Ах, да! Деревце, листок... Но сначала атлас». Мишка отыскал чернильную приписку на полях: «Вчера я ухватил Тельца за рога и побывал в его правом глазу. Пятый лист», и, тщательно взглядевшись в страницу, заметил выдавленные буквы на бумаге. Посветив фонариком с обратной стороны, он прочитал: «Листочки на деревце снова вырастают. Сначала появ-

ляется почка, а затем и сам лист – транспортное средство передвижения в пространстве». Парсек бросился к растению: на месте пятого листа, который он сорвал прежде, ничего не было. Никаких признаков жизни в этом месте деревце уже не подавало. «А как иначе? – подумал юноша. – Ведь Лампаруса больше нет во Вселенной». Мишка решил сорвать любой листочек наугад. Что выйдет, то и выйдет. Но ни один из них ни в какую не хотел отрываться, сколько Парсек их не дергал. «Все? Больше ничего не повторится? – расстроился несостоявшийся космический путешественник. – Так нельзя!» Он схватил «АТЛАС ЗВЕЗДНЫХ ПОЛЕЙ» и принялся нервно листать, со злобной беспомощностью посмеиваясь над его бывшим хозяином.

– Надо же! – уже вслух возмущенно кричал Мишка. – Полоумный старик понаставил своих каракулей! Понаписал ерунду всякую: «Это обычное собрание небесных карт, но невеждам нужно быть максимально осторожными при ознакомлении с оными». Тоже мне умник нашелся! Вот, к примеру, созвездие Корма. Стало быть, часть корабля. К чему тут осторожность? Нужно обходить плавучее средство только сзади по правилам дорожно-водного движения?! Ха-ха-ха! Что он тут приписал? «Звезды образуют полукруг. Потри нижнюю часть созвездия и попадешь туда, где будешь всегда сыт». Парсек принялся бешено натирать звезды, нарисованные в атласе. Потом спохватился и подбежал к деревцу, чтобы отыскать необходимый листок с таким же ри-

сунком. Нервное напряжение нарастало. Ему уже чудилась Маша, нежащаяся под лучами теплого солнца на корме роскошной яхты. Девушка призывно махала руками, беззвучно звала его к себе, будто бы обещая, что они снова будут неразлучны, как и в школьные годы, но попасть к ней он никак не мог. Листочки растения в его руках шелестели, как страницы атласа, и недовольно искрились... Нашел! Трение не помогало, ничего не выходило. И когда Мишка полностью утратил душевное равновесие, тогда и произошел его очередной скачок в космическую неизвестность...

IV

Парсек открыл глаза: над ним в небе сияло шесть ярких светил наподобие солнца. Он встал на ноги и посмотрел по сторонам. Никакими кораблями, более того морями и океанами здесь даже и не пахло. Вокруг вплоть до горизонта разметались пшеничные поля с золотистыми набухшими колосьями. Пахло совсем другим. Парсек почувствовал резкий специфический запах человеческих испражнений. Это было неприятно, но обнадеживало в том, что планета, на которую он попал, обитаема. Он наобум зашагал, как ему показалось, в южном направлении, раздвигая ногами спелые пшеничные колосья. Повезло. Мишка к своей радости быстро вышел на пыльную извилистую дорогу, а вскоре встретил и первого жителя планеты. Тот ехал навстречу на гроыхающей на ухабах телеге, ее тащила пара дряхлых сивых лошадок. Парсек сделал несколько приветственных жестов и дружелюбно закивал головой. Планетянин – дряхлый не меньше своих коней старичок – добродушно посмотрел на незнакомца, что-то сказал и, догадавшись, что Парсек не понимает его наречия, спрыгнул с телеги, сорвал несколько придорожных ягод и протянул их юноше, при этом зацокав языком. Мишка подставил свою ладонь, принял и рассмотрел пыльные ягоды, затем решительно забросил их в рот, прожевал и проглотил, слегка сморщившись от резко-кислого привкуса.

– Понимаешь меня? – спросил дед. Парсек утвердительно кивнул и уточнил:

– Это планета находится в созвездии Корма? Так, где же ваши яхты, катера, теплоходы и прочие плавучие транспортные средства?

– Тебя кто-то ввел в заблуждение, – усмехнулся старичок. – Отродясь их тут не было. А наше название произошло не от части корабля. Корма – вот, вокруг. – И он показал взмахом руки на зерновые поля. – Разве это не корм? У нас всегда светло и тепло, климат великолепный для круглогодичного выращивания и сбора урожая. Здесь всегда будешь сыт.

Мишка вспомнил, что именно эти слова записал сумасшедший астроном в своем атласе, и слегка расстроился: он надеялся попасть на планету-курорт, а вышло совсем иначе. Правда, еще неизвестно, что его ждало там, за бескрайними посевами злаковых культур. Планетянин предложил подвезти парня до ближайшего поселения. Огромное строение – двенадцать высоких светло-зеленых прямоугольников-небоскребов, соединенных перемычками и переходами – стало видно задолго до их прибытия к намеченной точке. Старик пояснил, что этот элеватор – основное хранилище всех планетарных запасов зерна. Да и вся жизнь на планете кружится вокруг него. Элеватор – словно центр притяжения, это и трудовая и духовная ось для местных жителей. А планета, кстати, называется Закрома. Закрома, что в созвездии Корма.

Когда они подъехали к поселению, которое расположилось на холме, Мишка с интересом стал рассматривать многочисленные домишки, облепившие элеватор со всех сторон. Все это было похоже на огромный муравейник. На центральной площади стояли накрытые столы. Там было много разнообразных блюд, но преобладали хлебобулочные изделия. Здесь можно было перекусить в любое время: еду на столах постоянно обновляли, следили за свежестью и внешней привлекательностью пищи. Этим занимались с десятков девушек в белоснежных фартуках и чепчиках. Парсек по приглашению старичка уселся за стол, чтобы поесть, и украдкой принялся разглядывать спящих вокруг девиц, надеясь, что в одной из них он непременно узнает Машку. Но его ожидания не оправдались. Ее здесь не было. Мишке стало даже немного грустно, он рассчитывал на скорую встречу со своей одноклассницей.

Старичок решил, что теперь несет ответственность за гостя и перед ним, поскольку первым встретил его и привел сюда. И посчитал своим долгом просветить чужестранца, пояснить ему – что и как на этой планете. Парсек в пол уха слушал его тягучий восторженный рассказ о том, как боги, спустившиеся с небес, научили первого Кормчего искусству земледелия, вручив ему деревянный плуг, серп и снабдив колосьями пшеницы. В подтверждение своих слов планетянин ткнул пальцем в памятник, стоящий неподалеку, на который юноша до сих пор не обращал внимания. Мо-

нумент представлял собой комплекс фигур: огромный мужчина управлял колесницей, запряженной драконами, и разбрасывал во все стороны зерна. Старичок рассказал, что со стародавних времен жители планеты постоянно собирают немислимые урожаи, потому и самым важным сословием в Закромах стали Кормчие – те, кто кормят остальных, пахут землю, сеют пшеничные зерна и серпами жнут пшеничные колосья. Но поскольку урожаи созревают один за другим, благодаря благодатным природным условиям, Кормчие постоянно работают в полях и не появляются в поселении. Некоторые планетяне их даже позабыли в лицо, а для других они превратились уже чуть ли не в легенду. Контактируют с ними лишь Ногошлепы. Они привозят на подводах выращенное зерно и снабжают Кормчих продуктами, чтобы те не отрывались от своего важного и необходимого для всего населения дела. Планетянин разъяснил, что жители планеты – закройицы – разделились на определенные фракции по роду своей профессиональной деятельности. Кроме Кормчих и Ногошлепов, есть еще Рукастые – те, кто занят ручным физическим трудом, и Большеголовые – работники умственного труда. Это крупные фракции. Их большинство. Но и различных мелких объединений тоже хватает. В их числе Языкастые – особая категория руководящих кадров и дилетантов-любителей; и Четырехрукие – люди торговых занятий. Все они старательно выполняют свои функциональные обязанности, а в свободное время собираются в клубы

по трудовым интересам и там обсуждают насущные проблемы. Старичок хихикнул и полусшепотом сообщил, что имеются среди закромайцев и Шароходы, о них говорить не принято, но без них никак не обойтись. Поскольку основная масса планетян с головой отдается своей трудовой деятельностью, многие забывают о таких существенных вещах, как продолжение рода. И именно Шароходы устраняют эти пробелы. К радостному облегчению Мишки телегу старичка-Ногошлепа уже загрузили провиантом, и ему следовало отбыть в поля.

Парсек отправился бродить по поселению, пытаясь отыскать очередное воплощение Машки. Ситуация сложилась самым подходящим образом, как раз в это время закромайцы собирались в клубы по интересам, что облегчало Мишкины поиски. Сначала он заглянул к Рукастым. Там шел разгоряченный спор о том, как правильно сжимать и разжимать пальцы при выполнении определенных трудовых действий. Мишка обвел всех глазами: собравшиеся здесь отличались от других закромайцев очень развитыми и неестественно вытянутыми верхними конечностями. Юноше стало не по себе, он испугался, что Маша может оказаться тут и будет выглядеть, точно как и они. Но обошлось. Не было ее ни среди Языкастых, ни среди Четырехруких. Парсек в тайне надеялся, что обнаружит ее в числе Большеголовых, но отчего-то решил прежде обойти всех остальных, а самое вероятное место ее нахождения оставить на «десерт». Но с Боль-

шеголовыми вышла заминка. Если закроийцы не находили общего языка друг с другом на уровне фракций, не понимали инофракционных проблем и стремлений, то у Большеголовых разногласия возникли внутри своей трудовой группы. Кроме глобального деления на лево- и правополушарных, они дробились на всевозможные группки и подгруппки, которые порой даже не способны были определить собственные цели и трудовые потребности, но желание обособиться и самоутвердиться у них достигало запредельного уровня.

Парсек пришел в полное замешательство. Он сбился с ног, но Машку нигде так и не нашел. Устало он снова сел за хлебосольные столы, установленные на площади, и задумался: «Выходит, зря прилетел на эту планету, ее здесь нет. Нужно было другое созвездие выбирать, дурак! Вероятно, шансы встретить Машу у меня уменьшаются с каждым разом».

– Что пригорюнился? – раздался голос сбоку. Мишка повернулся. Рядом с ним сидел закроийец и в ожидании ответа вывалил свой длинный дрожащий язык.

– Девушку ищу, – угрюмо ответил Парсек.

– Ха-ха! – рассмеялся Языкастый и ловко по-змеиному ухватил своим языком самый сочный кусок пирога и отправил его в рот. Прожевав кушанье, он дружески похлопал парня по плечу и, явно желая искренне помочь, предложил:

– Ты к Шароходам обратись, они подскажут.

Мишка чуть не взорвался от гнева, благо, что доброжелательный закроийец уже отправился восвояси. «Подаль-

ше отсюда! Уйти! Убежать!» – взволнованно решил Парсек и стремительно зашагал из поселения в бескрайние поля, не разбирая дороги. Когда он немного утомился от быстрой ходьбы, то бросился на землю и лег на спину, утопая в пшеничном океане и скрываясь от закроимийской действительности в густых золотистых колосьях. Сейчас существовал лишь он и это бесконечное небо с шестью яркими светилами. Отрешившись от всего, юноша задремал, расслабляясь и успокаиваясь. Вскоре он услышал приятное легкое пение, осторожно приподнялся и увидел обнаженную девушку с букетом колосьев спелой пшеницы в руках. Она будто плыла по злаковому морю, пшеничные стебли колыхались точно волны, мягко прикасаясь к девичьим ногам. Мишка раскрыл рот от потрясения: это была Машка! Конечно, она сильно изменилась: волосы из темно-каштановых превратились в русые и сплелись в длинную косу, достающую до ягодниц, а Машка разве что хвостики носила в младших классах. Закроимийка – телесно раздобревшая и значительно округлившаяся в самых приятных местах – все же была воплощением его одноклассницы. Заметив парня, она стыдливо присела и прикрылась руками. Парсек подскочил к ней и с пылом закричал:

– Наконец-то я тебя нашел!

– А ты кто? – удивленно спросила девушка.

– Ну да... – образумился Мишка, – не поверишь. Мы с тобой друзья... очень близкие... на другой планете. Тебя же

Машей зовут или как-то вроде того?

– Марьюшка я, – ответила закроймейка и посмотрела на юношу с любопытством.

– Я тебя искал по клубам! Думал уже все, нет тебя в этом созвездии.

– Не хожу я в клубы, – иронично сказала девушка. – Там одна и та же галиматья. Переливают из пустого в порожнее да меряются между собой у кого язык длиннее или руки более мозолистые. Они зажаты в своих узких профессиональных мирках, ничего им больше неинтересно. А я сама по себе, – и неожиданно добавила: – Ты же меня уже всю успел разглядеть? Я встану, а то мягкое место исколола стеблями. И поскольку ты не Шароход, можешь смотреть на меня, сколько влезет. Но если что-то непристойное задумаешь, то предупреждаю – только после свадьбы! Я целомудренная закроймейка.

Марьюшка выпрямилась и неспешно, покачивая округлыми бедрами, снова поплыла по пшеничному морю. Мишка, с дрожью любуясь ее наготой, тут же возбужденно выпалил:

– Так давай поженимся! Как у вас тут это делается?

Закроймейка с довольным видом хмыкнула и устремилась вперед, ее коса подскакивала на бегу и шлепала девушку по исцарапанным загорелым ягодицам. Мишка никак не мог насладиться свои глаза, испытывая естественную мужскую радость от созерцания обнаженной Марьюшки. Очарованный, он кружился вокруг нее, не отрывая взгляда, а она игриво

вертелась и периодически кокетливо прикрывалась руками. Но вдруг закромийка остановилась и ахнула:

– Нам нужно спешить! Скоро начнется планетарный ритуал!

Подбежав к брошенной среди пшеницы одежде, Марьюшка к глубокому сожалению Парсека быстро оделась. Она предложила юноше следовать за ней и помчалась к поселению. Там, на окраине, вперемешку, невзирая на принадлежность к фракциям, закромийцы выстраивались в колонны. Это общепланетарное действо объединяло всех, и планетяне на время забывали любые разногласия. Молодые люди пристроились к остальным. Мишке приспичило. Он, тушуясь, поинтересовался у Марьюшки, где находится ближайший туалет. Она хитро улыбнулась и сказала:

– Подожди чуть-чуть.

Колонны дружно вышли в пшеничные поля и замерли. Тут по небу прокатился зычный механический голос:

– Удобрим родную землю?

– Удобрим! – радостно отозвались закромийцы и принялись, не сходя с места, справлять нужду большую и малую. Марьюшка без стеснения присоединилась к своим соотечественникам...

Когда все закончилось, и они отошли подальше от толпы, девушка рассказала, что эта традиция заложена еще в стародавние времена, и каждый планетянин неукоснительно обязан ее соблюдать. А механический голос – это голос закро-

мийского Лидера. По сути, призвать население к выполнению ритуала – его главная и единственная обязанность. Действо повторяется несколько раз в сутки, а если кому-то потребуется раньше – нужно терпеть, иначе могут наказать: освободить от работы на день или, жутко предположить, на два, а для закромийца – страшнее кары не придумать. Работа – это для планетян самое важное и ценное, жизненно необходимое, заполняющее их без остатка. Без нее они чахнут и умирают от скуки и незанятости ума, иногда даже буквально в течение одного дня. И вдруг изменившись в лице, Марьюшка с негодованием прошептала:

– Чувствую, близится катастрофа. Уже почти всю поверхность планеты заср... покрыли в несколько слоев экскрементами. – И добавила жалобно: – Ты же женишься на мне и заберешь с собой? Здесь жить невыносимо.

Парсек порывисто обнял девушку и уточнил, что необходимо для церемонии бракосочетания. Он больше не мог себе позволить потерять Машку, пусть даже ее воплощение. Марьюшка радостно сообщила, что она работает в лаборатории элеватора пробоотборщиком, и, чтобы ее посвятить, необходимо попросить разрешения у трудового коллектива. Проблема в том, что с ней вместе трудятся и Рукастые, и Большеголовые и, само собой разумеется, Языкастые. А у каждой фракции свое мнение о процедуре заключения брачного союза, а уж если жених не закромийец – то тем более, поскольку таких прецедентов еще не бывало.

Мишке следовало явиться к элеватору на следующий день, а пока Марьюшка определила его в гостиницу для Кормчих, все равно она всегда пустовала, за исключением периодов, когда хлеборобы собирали урожай неподалеку от поселения. Но они были так трудолюбивы и быстры в своих действиях, что по-прежнему оставались незаметными для большинства планетян. Парсек провел ночь в муках: волнующая плоть закройской Машки не давала ему покоя. Марьюшка грезилась ему без одежды с венком из ромашек и васильков на голове; она ползала на четвереньках по огромной куче пшеницы и все отбирала и отбирала пробы, ласково поглаживая каждое зернышко и придирчиво осматривая каждую соринку. Когда она поднималась во весь рост, то утопала в зерне по свои прекрасные колени и, пытаясь выбраться и не увязнуть полностью, девушка поднимала ноги выше и выше...

Чтобы не прозевать Марьюшку, ранее утро Парсек встретил уже у элеватора – прямо под лозунгом «Слава Корму и Труду!», висящим над главным входом. Она появилась одновременно с другими работниками – у них так принято: никто не приходит раньше всех, и никто не опаздывает. По дороге девушка, видимо, уже сообщила своим коллегам о Мишкиных намерениях: это можно было понять по их придирчивым взглядам, насмешливым улыбкам и тыканьям пальцами в инопланетянина. Парсек решил не обращать внимания на происходящее и не конфликтовать с ту-

земцами, лишь бы Машкина копия теперь всегда была рядом с ним. Закромийка увлекла Мишку за собой. Она проводила его в просторную мастерскую и попросила подождать. Ждать пришлось недолго. Из-за столь неординарного события трудовой коллектив элеватора согласился повременить с выполнением своих функциональных обязанностей и, не откладывая в долгий ящик, сообща определить дальнейшую судьбу Марьюшки и гостя планеты. Сгрудившись в мастерской, работники распределились по фракциям: Рукастые – в центре, а Большеголовые, соответственно, слева – левополушарные, а справа – правополушарные. Языкастые по привычке сновали по всей мастерской, не останавливаясь и не замолкая. Языкастые и начали первыми разбираться в сути вопроса:

– Нами гнушаются обитатели ближних планет и дальних, а ты тут нарисовался непонятно откуда и прямо сразу собрался жениться. Обоснуй.

Мишка подошел к Марьюшке, взял ее за руку и твердо сказал:

– Она – главная часть моей жизни.

– Да что ж в ней такого особенного? – поинтересовались Рукастые. – Руки у нее не развиты: короткие и слабые. Может, тебе среди наших невесту подыскать?

– Ну, у нее другое зато неплохо развито, – встряли левополушарные. – Единственный недостаток – голова маленькая.

– Во фракции Марьюшка вступать отказалась, правда, ни одной из них она особо и не подходит, – отметили право-

полушарные и спросили участливо: – А ты, инопланетянин, что делать умеешь? К какой трудовой группе думаешь примкнуть? Ты бы нам мог пригодиться. В крайнем случае, Шароходы тебя примут.

– Только к Марьюшке собираюсь примкнуть, – уже заметно нервничая, ответил Парсек.

– А ты вообще всех закройек видел? – выпрашивали Языкастые. – Не спешишь ли? У вас на планете невест совсем нет, что ли?

– Я уже сделал свой окончательный выбор, – ответил Парсек.

Твердость и уверенность чужака в своих чувствах к Марьюшке только распаляли недовольство закройцев, и они еще долго обсуждали девушку, припоминая ее былые промахи и ошибки. Особенно проявили в этом старание Языкастые. Мишка по просьбе закройки мужественно терпел все их нападки и обвинения. Неожиданно представители непонятной подгруппы Большоголовых выступили в поддержку союза юноши и девушки:

– Марьюшка – статная, еще и пробоотборщиком трудится – хороший выбор! У нас к ней претензий нет.

Когда Парсек это услышал, то решил, что работники элеватора уже вдоволь потешили свои языки и вот-вот вся эта говорильня закончится и им с Марьюшкой дадут коллективное «добро» на брак и совместное проживание. Но его выводы были поспешными и абсолютно неверными.

– Претензии у нас есть к тебе, инопланетянин, – заявили Языкастые. – Позволить иноземцу жениться на закромийке мы не можем, поскольку ты не чтить наших традиций, не участвуешь в планетарном ритуале. Да и вообще пора тебе убираться с нашей планеты. Чужой ты нам.

Труженики элеватора утвердительно загалдели и разошлись по рабочим местам.

– И что теперь? – недоуменно спросил Мишка у Марьюшки.

– Все, – всхлипнула девушка, – ничего у нас с тобой не выйдет. Не позволят они.

– Ты же хотела, чтобы я тебя с собой забрал! – воскликнул Парсек. – Так зачем нам их одобрение, если мы все равно улетим отсюда?

– Без разрешения я не могу, – уперлась Марьюшка. – Пожениться мы должны по-закромийски.

Юноша удивился тому, что девушка так легко ставит общественное мнение во главу угла, пренебрегая личными интересами, тем более в таком интимном вопросе, как замужество, но вынужден был уважать ее нравственные порывы, желание блюсти общепринятые законы и нормы закромийской цивилизации. Он целые сутки не высовывал носа из гостиницы, размышляя, как выйти из этого положения, как разрулить ситуацию так, чтобы каждая заинтересованная сторона получила полное удовлетворение. Парсеку потребовалось в туалет (ждать планетарного ритуала, а тем более участво-

вать в нем — он не собирался), и это натолкнуло его на занятую мысль...

Мишка припомнил старинный рецепт слабительного, действующего удручающе неожиданно и насмешливо продолжительно. Чтобы собрать необходимые компоненты, ему пришлось отыскать на площади, где кормили всех и всегда, кухонные кладовые, а затем еще парочку ингредиентов для зелья выторговать у четырехрукого спекулянта, стараясь провернуть задуманное дельце с особой осторожностью и не дать никому повода заподозрить его в подготовке «диверсии». Все получилось как нельзя лучше. Когда работники элеватора пришли пообедать на площадь, Парсек, уже познакомившись с одной из девушек, обслуживающей столы, получил доступ на кухню и незаметно опустил свое зелье в котел с варевом. Чуть позже он с показным расстроенным видом подошел к обедающим элеваторщикам, поставил на стол несколько бутылок горячительных напитков, которые раздобыл у Четырехруких, и предложил чисто символически отметить его убытие с планеты. Закромийцы были не против. Мишка сел рядом с Марьюшкой, уставив на нее печальные глаза, и приложил все усилия, чтобы она не отведала блюда с его «сюрпризом». У Марьюшки что-то сделалось с лицом: каждым искривлением окологубных и лобных линий она показывала, как сейчас несчастлива. Юноша незаметно стискивал ее руку, чтобы подбодрить. Обеденный перерыв закончился, и закромийцы, насытившись, вдохновенно двину-

лись навстречу своим будущим трудовым подвигам. Парсек неспешно отправился за ними и устроился поудобнее на скамейке у главного входа в элеватор. Ждать пришлось недолго: зажимая руками межягодичное пространство, труженики один за другим пулей вылетали из элеватора, нервно озираясь и устремляясь к ближайшим кустам. А Мишка тем временем громким и нудно-протяжным голосом оповещал:

– До планетарного ритуала осталось два часа!

Когда со смущенным и раздавленным видом «нарушители» возвращались назад, Мишка тщательно фиксировал их имена, записывая в блокнот, а они в свою очередь умоляли его не предавать огласке случившийся казус. Находчивый Парсек тут же предлагал им подписать коллективное письмо в поддержку его союза с Марьюшкой, которое он подготовил заранее...

На вскоре проведенном повторном обсуждении возможности бракосочетания закроийки и инопланетянина практически все работники элеватора (в полном составе те, что обедали на площади) проголосовали «за». Теперь Марьюшка была рада и счастлива беспредельно. Сроки заключения брака определили сразу же – устроить свадебную церемонию незамедлительно, после того как жених и невеста приготовят огромный праздничный каравай без чьей-либо помощи. Марьюшка приступила к этому занятию безотлагательно, Парсек подключился чуть позже. Вначале он хотел прояснить некоторые нюансы их будущей совместной жизни

на планете, если вдруг улететь сразу не получится. Потолковав с Большеголовыми, Мишка решил как можно скорее покинуть Закрома вместе с Марьюшкой, поскольку перспективы его дальнейшего существования на планете были отнюдь не радужными – местные обитатели надумали отправить его к Кормчим в поля, мол, надо нелегким трудом заработать право считаться закройщиком. А там, в бескрайних полях, он может запросто затеряться и превратиться в легенду, как и прочие Кормчие...

Наконец-то каравай был испечен, и закройщики собрались за столами на главной площади. Дабы соблюсти традиции молодожены должны были поднести каравай к каждому гостю, тот отщипывал кусочек, а жених и невеста, обливаясь потом, обязаны были тащить угощение дальше. Когда весь круг был пройден и Парсек намеревался усесться на свое место, Марьюшка шепнула ему, что нужно раздавать каравай гостям, пока от него не останется ни крошки. Мишка, еле сдерживаясь, мысленно проклинал местных жителей и их дурацкие обычаи. Но он даже и не подозревал, что его ждет в ближайшем будущем. После продолжительного застолья гости организованно встали и отправились к пшеничному полю, увлекая за собой и молодоженов. Неожиданно закройщики образовали большой праздничный круг вместо обычных повседневных колонн и в его середину вывели Парсека. Раздался механический призыв национального Лидера, все нетерпеливо включились в планетарный ритуал,

не отрывая глаз от Мишки. Он замер в центре торжественно справляющих свои потребности закромийцев, но присоединяться к ним не стал и в этот раз. Как только последний абориген поднялся во весь рост и застегнул штаны, раздался гулкий недовольный ропот участников ритуала. Они кривились и плевали в сторону Парсека, пока один из Языкастых не выразил всеобщее мнение:

– Инопланетянин! Ты нам не угоден! Поскольку ты и сейчас не поддержал нашу традицию, мы тебя больше видеть здесь не хотим. А брак твой с Марьюшкой – аннулирован.

Рукастые вытолкали Мишку с поля буквально взащей. Он снова заперся в гостинице, а дождавшись вечера, незаметно пробрался к дому Марьюшки. Закромийцы, живущие в этой части «муравейника», безвылазно сидели в своих жилищах – начался второй этап действия Мишкиного слабительного, и им было не до клубов по интересам. То и дело из-за закрытых ставней раздавались оглушительные «залпы» и «пулеметные очереди», вызванные зельем. Девушка была вся в слезах, но после здравых речей Парсека она постепенно успокоилась: свадьба же, как она и хотела, состоялась, обычаи соблюдены, а аннулирование их союза – это всего лишь не играющая роли формальность. Договорились ранним утром бежать с этой планеты вместе невзирая ни на что...

Их поджидали. Рукастые обложили дом со всех сторон, а с десяток Языкастых стояли у входных дверей. План побе-

га был сорван. По правде сказать, и плана никакого не было. Парсек не знал, как ему самостоятельно взлететь над планетой-житницей, на Лампарусе это получилось независимо от его желания. Но он надеялся на лучшее, попытался даже упражняться – концентрироваться и медитировать – но это не помогло.

– Марьюшка! – прокричали Языкастые. – Ты, и вправду, желаешь покинуть нашу благоуханную планету? Тебя взрастили и выкормили на Закромах! А ты, неблагодарная, решила оставить такую важную должность – пробоотборщик – и сбежать с этим проходимцем?

– Благодаря всем вашим стараниям наша планета уже весьма «благоуханная» и вконец благоухандоканная, – срывающимся голосом крикнула в ответ девушка. – Вы погибаете! А я хочу жить!

– Закрома цветут и колосятся! – удивились Языкастые. – Никто здесь не погибает. У нас всегда будешь сыт, а что тебе еще нужно? Чего тебе не хватает? Неудачного жениха нашла – ничего! Подберем тебе другого. Скучно жить? В любой клуб по трудовым интересам приходи – везде тебе будут рады. Какая тебе еще жизнь нужна?

– Не хочу я с вами! – истерично взвизгнула Марьюшка, не находя больше слов. Кипящие эмоции напрочь вытолкнули из головы девушки все ее мысли. В этот момент на окраине «муравейника» раздался глухой треск, казалось, что разверзлась земля. Так на самом деле и было: из образовав-

шейся трещины в небо ударила мощная струя накопившихся под земной корой отбросов человеческой жизнедеятельности. Закромийцы в замешательстве забегали из стороны в сторону, испуганно причитая. Тревожность усилили еще два столба фекалий, взметнувшихся с противоположной стороны поселения. Парсек оторвался от поверхности планеты и снова опустился вниз, он обнял Марьюшку и жарко зашептал:

– Все хорошо! Сейчас мы с тобой отсюда уберемся! Прижмись ко мне покрепче!

Девушка изумленно смотрела на Мишку, шепча порывисто в ответ:

– Я знала! Я надеялась! Я об этом так мечтала!

Тут над планетой прокатился бесстрастный механический голос закрomialского Лидера:

– Удобрим родную землю?

– Удобрим, – донеслись в разноречивый голос местных жителей, и они привычно выстроились в колонны. Марьюшка жалобно взглянула в глаза Парсеку, оттолкнула его и побежала в ряды своих соотечественников, беззаветно откликаясь на зов закрomialского Лидера...

Мишка больше не мог сдерживать неведомую силу, управляющую им, и ракетой устремился в космос. Ока завшись в далекой беззапаховой выси, он посмотрел вниз: на всей поверхности планеты из-под земли вырывались многочисленные фекалийные фонтаны, похожие сверху на неф-

тяные столбы. Закрома медленно тонули в булькающей зло-
вонной жиже...

V

В глазах расходились мутные клокочущие круги, Парсек, оцепенев, сидел на чердаке. Ему хотелось зареветь от беспомощности и обиды. Обиды на эту безжалостную иррациональную объективность, которая не позволяет ему быть с Машей или ее подобиями. «Это уже слишком, – ворочались тяжелые мысли в голове юноши. – Может быть, стоит забыть о Машке раз и навсегда, и тогда все в моей жизни изменится? Она ведь совсем и не единственная! Вон сколько ее двойников на разных планетах... Нужно послушать Дашку, завести новые знакомства... только без уздечек... К черту эту Машу! Она мне постоянно мерещится в разных обликах. Будет намного лучше, если познакомлюсь с другой девушкой и влюблюсь в нее! Нужно адекватно воспринимать окружающую действительность, не замещая ее на космические путешествия, которые, вероятнее всего, иллюзорны».

Мишка уставился на искрящееся деревце, затем на листок в своей руке... Ему показалось, что он слышит шевеление бозонов Хиггса на одежде, причем совсем не здешних, а оттуда – из далекого космоса. «А вдруг все по-настоящему?» – засомневался парень, но все же решительно позвонил Дашке. Одноклассница вначале недовольно отреагировала на его просьбу познакомить еще с какой-нибудь девушкой, однако быстро согласилась, пообещав собрать у себя дома компа-

нию подружек, чтобы он смог выбрать пассиву в обширном и разнообразном «цветнике».

Дашка сообщила Мишке о вечеринке в самый последний момент, видимо, пытаясь ему хоть как-то насолить, и он, наспех собравшись, поехал к ней на такси. Водитель был насойливо разговорчив: всю дорогу клял судьбу за то, что сейчас, по сути, он ничего собой не представляет, но вот немного раньше у него все в этой жизни получалось наипрекраснейшим образом. Уже в двенадцать лет он стал владельцем первого в его родной деревне видеомангнитофона (подарили дедушка с бабушкой) и подбил взрослого знакомого открыть в местном Доме культуры видеосалон. Так он заработал на свой первый автомобиль, но в силу возраста приобрести его не имел возможности. Огонь предпринимательства в нем не угасал, в школе он продавал сверстникам жвачку, за что его неоднократно журил директор учебного заведения. Но благотворно повлиять на юного коммерсанта у школьного руководителя не вышло, несмотря на его многолетний педагогический стаж. Деятельный дух Сергея (так звали таксиста) никто не мог унять. После школы он сразу же принялся торговать автомобилями: покупал подержанные авто, проводил небольшой ремонт, наводил лоск и перепродавал их. Но решив выйти на более крупный рынок, понял, что там ему в одиночку не пробиться. Хотя, что там на самом деле получилось, не вдавался в подробности. И вот сейчас вынужден просто крутить баранку на «дядю» (заод-

но убеждая каждого своего пассажира, что это временный сбой в его жизненной программе), но буквально на днях все изменится – он, Сергей, снова уверенно потопают по лестнице успеха вверх: не останавливаясь и больше не оглядываясь. «Доказывать неизвестно кому что ты лучше, чем кажешься. Что ты что-то можешь! Зачем? – размышлял Парсек. – Зачем все это?» На радость Мишки пламенную тираду таксиста перебила женщина, которую решили подобрать, поскольку было по пути. Ехать стало еще веселее. Попутчица, которая представилась Валентиновной, без предисловия чуть ли не нараспев повествовала о том, что у нее в трудовой книжке всего лишь две записи: она настолько ценный работник, что ее не хотели отпускать с первой работы, а ей самой просто надоело сидеть на одном месте. Сначала она трудилась в районном отделе ЗАГС и люди на церемониях бракосочетания всегда рыдали от ее речей, а каким она была тамадой на подработках! Валентиновна вспоминала свои жизненные успехи нахлестами, волнообразно. Как только в ее голову приходила очередная волна воспоминаний, она бесцеремонно перебивала таксиста, который переключил свое внимание уже всецело на нее и пытался ей поведать о своих жизненных чаяниях. Так они наперебой старались не упустить ни единого штриха в рисуемом портрете своей бесценной и так важной для Вселенной личности. Парсек никак не мог понять, почему люди с безудержным желанием стремятся рассказать незнакомцам о себе, отыскивая

славные страницы своей личной жизненной летописи, вспоминая что-то самохвalebное, и подчеркивая, что сейчас их жизнь и статус – всего лишь не самый лучший период существования. Причем, многим даже нечего вспомнить, но желание выговориться и предстать перед слушателем в самом выигрышном свете – просто неукротимая страсть, неистребимая потребность подпитывать иллюзию собственной значимости для планетарного человеческого общества. Мишка вышел из автомобиля и подумал: «Я через полчаса, вероятно, навсегда забуду о них. Так зачем им это было нужно? Минутный псевдотриумф? Хотя, наверное, это им требуется для самоуспокоения и мотивации. Так пусть рассказывают о себе своему отражению в зеркале – самому благодарному слушателю. Правда, люди, как правило, варятся в определенном ограниченном круге забот, желаний и мыслей. Новое в их голове возникает редко, поэтому они постоянно говорят об одном и том же, и для этого им и необходимы случайные сторонние слушатели».

Парсеку вдруг втемяшилась мысль, что Машка могла вернуться в город и пришла на вечеринку. Он ускорил шаг, а в подъезде уже взлетал по ступенькам, не в силах себя сдерживать. Дашка приветственно прижалась к нему и чмокнула в щеку:

– Ну что? К Машке снова летал?

Мишка утвердительно кивнул головой, втайне надеясь, что она сейчас сообщит, что Маша здесь.

– Беда! – эмоционально вздохнула одноклассница. – Ничего, вон сколько девчонок собрала для тебя. Я о тебе заботилась. Видишь, они уже успели подпить и расположены к знакомству. Для разнообразия и пару ребят пригласила, чтобы тебя одного пьяненькие девки на куски не разорвали. Ха-ха!

Парсек поздоровался с гостями и краем глаза заметил девичий силуэт в соседней комнате. Девушка стояла спиной к нему и была очень похожа на Машу. Те же волосы, похожие очертания, точно такой же задумчивый взмах головой... Мишка осторожно подошел к ней. Она плавно повернулась. Это была не та, которую он жаждал увидеть. «Почудилось, – мысленно успокаивал себя юноша. – Но если меня сразу к ней повлекло, наверное, стоит познакомиться поближе. Возможно, она сможет заменить мне Машку».

– Почему ты в одиночестве? – напряженно спросил Парсек, не зная с какого бока подступиться к незнакомке и начать знакомство.

– Не особо люблю шумные компании, – ответила она с пленительной улыбкой. – Но сижу последнее время дома. Кисну. Узнала случайно о вечеринке, и вот я здесь.

– Любишь ночные прогулки? – скрывая неловкость, поинтересовался с надеждой юноша. Но тут возле них возникла Дарья и, старательно расправляя воротник Мишкиной собеседницы, подметила:

– Отличная блузка, Света! Зачем ты лифчик надела?

Не надо было. Без него куда лучше смотрелось бы.

Новая знакомая Парсека сконфузилась, смущенно скользая глазами по Парсеку, а Дашка схватила парня за рукав и потащила к остальным гостям.

– Налейте опоздавшему! – крикнула хозяйка и усадила Мишку в кресло. Девица с осолопевшими глазами и размазанной губной помадой, на секунду замолчала, ухватила бутылку и опрокинула ее в бокал. Затем медленно двинулась к Парсеку с выпивкой в руке, продолжая свою прерванную речь:

– Не повезти от природы может только женщине. Родится кривенькой, с неказистой фигурой и не смазливой на мордашку – и все. Спроса на нее нет. А мужику что? Что там у него в штанах не видать же, а так – руки-ноги на месте – и этого вполне достаточно. Ну, если усы есть – это уже предел солидности. А коли и борода на нем – тогда он вообще – царь для баб! – Протянула Мишке спиртное и, покачнувшись, добавила:

– Ой, скучно мне здесь... и там... и везде...

– А что? Спрос на тебя невелик? – хихикнул один из парней.

Девица подбоченилась, взглянула на насмешника и заявила:

– Я-то замужем уже побывала. Ничег-о-о. Жить можно. Так что сколько раз меня замуж позовут, столько раз и пойду!

Эту девицу звали Ириной, и она проявляла заметный интерес к Парсеку, как представителю мужской части общества. Она, то и дело теряя равновесие, примостила свое тело на ручку кресла, в котором сидел Мишка, и стала пристально его рассматривать.

– Я не вижу в тебе стержня, – выдала девица с прохладцей.

– А я хордовый, – криво усмехнулся Парсек.

– Что-то и я размякла, – неожиданно примирительно заявила она. – Нужно больше есть яблок, чтобы стальной стержень внутри образовался... – И, задумчиво уставившись на Мишкину ширинку, добавила: – И почему же я тебе до сих пор не досталась? Ты брови долго гнуть будешь? Может, спросишь все же – свободная я или как?

Парсек адресовал однокласснице призывные знаки, прося избавить его от навязчивой девицы, но Дашка делала вид, что не замечает. Тогда Мишка самоустранился: отправился в туалет и решил держаться подальше от назойливой Иры. Он на время укрылся на кухне, где его и выловила Дашка и насмешливо уточнила:

– Что? Отвязался? Пьяная она чересчур и вид у нее поношенный какой-то... Вот такая Ирка – без затей и извилин особых, но милосердная. Так что можешь к ней поприставать, не откажет.

– Ну, будут просто механические трения без чувств, вкуса и страсти, – ответил Парсек. – Зачем мне это?

– Страсти захотел?! – вспыхнула Дашка. – Машку тебе по-

давай?! Что толку мечтать о прошедшем? Надо строить будущее в настоящем. – И с ехидством добавила, кивнув на одну из девиц: – Познакомься с Катей. Она глаз с тебя не сводит. Только активнее с ней будь. Скажи ей что-нибудь типа: мне очень нравятся твои глаза, но потрогать я их не могу, поэтому потрогаю твою попу. Ха-ха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.